

Г Р. А. Ромашов

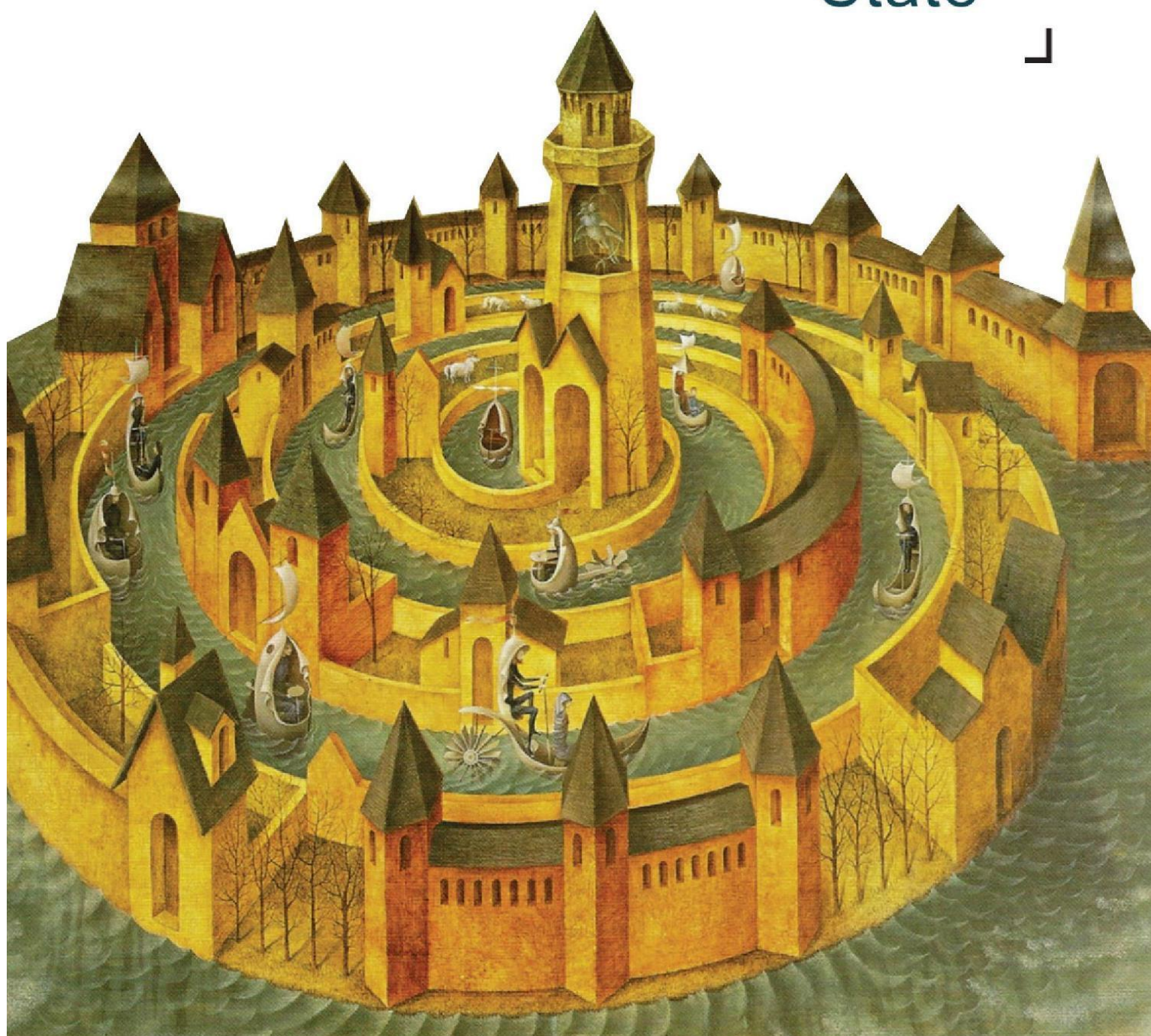
ПОЛИТОГЕНЕЗ

Л Храм

Πόλις

Государство

.... State

Роман Ромашов

**Политогенез. Храм – Πόλις
– ГосударЬство – State**

«Алетейя»

Ромашов Р. А.

Политогенез. Храм – Πόλις – Государство – State /
Р. А. Ромашов — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-93-5

Исследование политогенеза, осуществляемое при помощи метода циклической истории, позволяет рассматривать отдельно взятые государства как замкнутые социально-культурные и политико-правовые циклы, проходящие в динамике своего развития этапы возникновения, становления, прогрессивного и регрессивного развития, кризиса, разрушения/мутирования. На основании проведенного сравнительного анализа закономерностей политогенеза выдвигается теоретическая концепция «спиральной» (мутирующей) цикличности западной и «круговой» (повторяющейся) цикличности российской государственности. В рамках этой концепции рассматриваются основополагающие принципы организации и функционирования государства в динамике его исторического развития. Книга рассчитана на преподавателей и студентов юридических и политологических факультетов вузов, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории и теории государства.

ISBN 978-5-907189-93-5

© Ромашов Р. А.

© Алетейя

Содержание

Вступительное слово	5
Введение	8
Глава 1	11
1.1. Генезис истории	11
1.2. Политогенез – динамическая характеристика государства	17
Глава 2	20
2.1. Государство и время	20
2.2. Линейность политогенеза	27
2.3. Цикличность политогенеза	28
2.4. Ритмы российской государственной политики: от «какофонии» разделения государственной власти к «симфонии» государственного единства	31
2.5. Будущее как объект научного осмысления на современном этапе политогенеза	34
Глава 3	36
3.1. Социальное регулирование и управление в архаическом (первобытном) обществе	36
3.2. Предпосылки происхождения государства	38
3.3. Теории происхождения государства	42
Глава 4	46
4.1. Трансформация образа государства в процессе политогенеза	46
4.2. Организационная концепция понимания государства	49
4.3. Функциональная концепция понимания государства	53
4.4. Понимание государства в российской юридико- лингвистической традиции	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Р. А. Ромашов

Политогенез. Храм – Πόλις – Государство – State

Вступительное слово

Государство: мир и система (предисловие Учителя)

Новая книга профессора Р. А. Ромашова посвящена государству. Казалось бы, тема достаточно «избитая». О государстве в различных его ипостасях написано огромное количество больших и малых научных трактатов. Что нового можно сказать о проблеме, которую исследовали такие «гиганты мысли» как Аристотель, Платон, Гоббс, Руссо, Еллинек, Ключевский и многие, многие другие. Не является ли предпринятая автором попытка изучения государственной организации в генезисе ее возникновения, становления и развития всего лишь описанием предшествующих научных трудов – «книгой о книгах»? Полагаю, что нет.

Роман Анатольевич Ромашов, на страницах своей монографии, создает образ государства как сложного многогранного явления, в котором как в зеркале отражаются достижения и катаклизмы человеческой истории. По мнению автора, история как динамическая характеристика социально-культурной жизни представляется не в единстве линейного вектора, в рамках которого общество и государство движутся от «точки начала истории» в бесконечность, а в совокупности замкнутых этапов – циклов, каждый из которых представляет не только и не столько «ступень вечного развития», сколько завершенное «жизненное» состояние («закольцованную» историю) отдельно взятого государства, в подобном понимании «рождающегося и умирающего» так же, как рождается и умирает в природе все, что когда-то жило, живет и будет жить.

Государство подчиняясь в своем движении объективным историческим закономерностям выступает в качестве социально-политической среды человеческого обитания, со временем приобретающей признаки самостоятельного участника (субъекта) общественной жизнедеятельности, наделенного статусом, позволяющим не только отличать, но и в ряде случаев противопоставлять государство, общество, личность.

Представляет безусловный интерес авторская «привязка» понятия государства к его смысловым образам. Государство как триединство территории (страны), народа (нации), аппарата публичной политической власти (бюрократии), являет собой современный образ, складывающейся в политическом и правовом сознании не ранее XIX в. А это значит, что нельзя сравнивать государства существовавшие в различные эпохи и ассоциируемые с отличными от современного образами, поскольку такое сравнение столь же некорректно, сколь не корректно, к примеру, сопоставление лошади, автомобиля, ракеты, телепортации, на том основании, что все это средства передвижения в пространстве.

Исследуемый Р. А. Ромашовым историко-политический циклогенез – это процесс «круговорота политического бытия в природе», в ходе которого изменяется не только форма, но и состояние государства. Так же как вода может пребывать в жидком, твердом, газообразном состояниях, так и государство подвержено преобразованиям, связанным с его структурно-содержательными особенностями и представлениями о государственной сущности складывающимися в индивидуальном и групповом сознании.

Государство «храм», «полис», «царство», «стейт» – это не просто разные названия одного и того же явления, а качественно отличные состояния государства как средства социальной организации людей и публичной политической власти в их отношении. А если это так, то и характерные свойства (признаки) каждого из «государственных состояний» носят отличный друг от друга характер. В частности, современное представление о государстве как о «правовом» присуще только такому его «состоянию» как стейт (state), предполагающему ассоциацию государства с индустриальным объектом, а права с технологическим регламентом, соблюдать который в равной степени должны как рядовые работники, так и руководящий состав «государственного предприятия».

Так же безусловной новацией является предлагаемая автором дифференциация спиральных (мутирующих) и круговых (повторяющихся) циклов, характеризующих государственные состояния. Сопоставление процессов исторического развития российского и западных государств, позволяет говорить о мутирующей (изменяющейся) природе западных государств и «повторяющейся истории» российской государственной организации. Основным отличием России от Запада, по мнению Р. А. Ромашова является специфика восприятия государства его «народонаселением».

В сознании русского/российского народа – государство это общий (неделимый на обособленные самостоятельные части) мир, в рамках которого в неразрывном целом объединены государственная власть, общество, отдельные личности, предметы собственности. Жизнь в мире, исключает любое обособление (как личное, так и корпоративное) – «нельзя жить в обществе и быть свободным от него». Получается, что в мире нельзя быть лично свободным в эгоистическом (эгоцентристском) понимании, в смысле, не испытывать чувства «неоплатного долга» перед «Матерью Родиной», а также обладать правом частной собственности на любые предметы (как вещные, так и виртуальные), поскольку все они, в той или иной степени являются составляющими «единого и неделимого» мира. Идея свободы у народа России понимается как такое духовное и душевное состояние, когда нет смысла существования, жизни без чувства коллективизма, общности связи и взаимоотношений, соборности и стремления к этому всех живущих в государстве. Государство воспринимается одновременно как Родина и Мать – ценности превыше которых нет ничего.

Понимание российского государства как русского (советского, постсоветского) мира, предопределяет круговую (повторяющуюся) цикличность российского политогенеза, в рамках которого государственная организация ассоциируется с государственной властью, соответственно борьба за обладание властью, обуславливает разрушение предшествующих и рождение новых форм государственности, по сути своей копирующих друг друга. В таком понимании, каждый следующий цикл российского политогенеза, с одной стороны отрицает предыдущий, а с другой стороны повторяет его.

Западный политогенез основан на системном представлении о государстве, как о конструкции в структуре которой объединяются различные взаимосвязанные, однако не сливающиеся в «неразрывное целое» элементы. Основу понимания западного государства, по мнению Р. А. Ромашова образуют такие категории как свобода и собственность, выступающие в качестве основных объектов упорядочения и охраны со стороны государственной власти. В монографии выделяются и анализируются особенности понимания и практического воплощения свободы и собственности в рамках трех циклов политогенеза: античной (полисной), патримонно-теологической (королевской), политико-правовой. На каждой из выделенных стадий качественным образом меняется понимание свободы, собственности и, соответственно государства, с деятельностью которого эти феномены непосредственным образом сопрягаются.

Главным отличием системного государства Запада от Русского/ Российского государственного мира, является его устройство в структуре которого существуют и взаимодействуют самозначимые субъекты, не поглощаемые государством и не отождествляемые с ним. В антич-

ном полисе – это свободные сограждане, противопоставляемые рабам, в королевстве (kingdom) – светская и духовная аристократия, в основу организации и функционирования которой положен принцип «вассал моего вассала, не мой вассал». В условиях политико-правового цикла формируется правовое государство (state of law), в рамках которого позитивное право представляет собой основную гарантию незыблемости неотъемлемых естественных прав, главными из которых являются личная свобода и частная собственность всех граждан, безотносительно их социально-статусных характеристик.

Использование метода цикличности вкупе с ранее выдвинутой и обоснованной Р. А. Ромашовым концепцией реалистического позитивизма позволяет ему, не только обобщить и систематизировать различные подходы к пониманию и типологии государства, особенностям его возникновения и развития, специфики структурирования и функционирования, но и создать оригинальную авторскую концепцию теоретического моделирования российского государства, в рамках которой осуществляется системная реконструкция российской государственной истории в ее прошлом и современном состояниях, а также выдвигаются гипотетические версии ее развития в обозримой будущей перспективе.

Особо следует отметить стиль, в котором написана монография. С одной стороны – это наукоемкий текст, в основу подготовки которого положены многочисленные источники как теоретического и нормативного, так и эмпирического характера. С другой стороны, книга представляет собой увлекательное чтение, в котором научные положения и выводы увязываются с практическими ситуациями и литературно-художественными сюжетами, «оживляющими и очеловечивающими» высоконучное повествование. Читать эту книгу интересно и познавательно. Не со всеми высказываемыми в монографии позициями и точками зрения следует соглашаться, отдельные положения представляются весьма спорными и вызывают желание вступить в дискуссию, но ведь сам автор не претендует на априорное признание всего, о чем пишет, критически относясь к правилу монистического общения, в соответствии с которым: «Все высказываемые мнения делятся на две группы: мое и неправильное».

Книга Р. А. Ромашова – это, прежде всего, приглашение к научному общению и обсуждению «вечной» и именно потому неиссякаемой проблемы, каковой является государство. В завершении же хотелось бы повторить слова, сказанные автором как о государстве, так и о самом себе: «Это не конец истории».

*Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
В. П. Сальников*

Введение

О том, что государство было, есть и будет, известно каждому. В зависимости от обстоятельств мы клянемся в любви к нему, призываем к патриотизму либо, напротив, ругаем и обвиняем во всевозможных и прежде всего собственных бедах и неудачах. Мы относимся к государству как к человеку, с которым нас связала добрая или злая судьба и от отношения которого зависит наше настоящее и будущее. Мы говорим о государстве, обсуждаем и оцениваем его, не особо задумываясь о том, что такое государство, когда оно возникло, какие этапы прошло в своем развитии, в чем заключается его социальная природа и каково его предназначение для всех и каждого в отдельности.

Наша жизнь неразрывным образом связана с государством, которое в настоящее время называется Российская Федерация (Россия). Этому государству как формальному политико-правовому образованию, возникшему в результате распада Союза Советских Социалистических Республик, немногим больше 25 лет. Вместе с тем в учебниках по отечественной истории говорится о более чем 1000-летнем периоде российской государственности. О тысячелетней Великой России говорит и действующий российский Президент В. В. Путин. Можно ли утверждать, что это тысячелетие измеряет историю одного и того же государства, представляющего один народ, одну культуру и, наконец, один механизм государственной власти. Безусловно, нет. Русская земля, русский народ, русская вера и Российское государство – понятия нетождественные, и смешивать их воедино не следует, хотя попытки такое тождество провести прошлыми и настоящими государственными пропагандистами предпринимались, предпринимались и будут предприниматься.

Централизованное многонациональное Российское государство – Московское царство Всея Руси – возникает на политической карте мира не ранее второй половины XV века. Именно с этого времени следует вести отсчет собственно государственной российской истории. Конечно, непременно найдутся «ура-патриоты», которые будут «с пеной у рта» отстаивать в качестве исходных начал российской государственности Киевскую, Владимирскую, Тверскую, Новгородскую Русь и настаивать на тысячелетнем периоде измерения российской государственной истории. Это их право. Авторская позиция строится на формально-юридическом подходе к пониманию государства, в рамках которой предпосылки возникновения и процесс становления государства как сложившегося в основных организационных параметрах политико-правового явления представляют собой различные исторические этапы.

С момента своего рождения вплоть до сегодняшнего дня Россия неоднократно меняла государственное наименование и государственные границы, символику, формы правления, административно-территориального и социального устройства, политический режим. Если подходить к анализу истории Российского государства не с линейных, а с циклических позиций, то нельзя не признать, что в рамках политогенеза представлены как минимум три последовательных цикла, в рамках каждого из которых возникали и проходили определенные стадии государственного развития самостоятельные российские государства, строящиеся на основе институтов и принципов, качественным образом отличных от предшествующих аналогов. Московское (Русское) царство/Российская империя, РСФСР/СССР, Российская Федерация представляют собой обособленные государственные образования, возникающие в ходе революционных преобразований и в таком понимании не связанные друг с другом единой государственной традицией, равно как и общей государственной историей.

Предлагаемая читателю монография имеет основной целью формирование комплексного представления о государстве как о сложном социально-культурном явлении, возникающем на определенном этапе общественного развития и сопровождающем человечество в его продвижении по пути эволюции.

Российское государство появилось не на пустом месте. Задолго до начала отечественной государственной истории в мире существовали различные государственные образования. При этом, в отличие от западного государства, прошедшего в своем политогенезе три «ступени исторического роста», polis – kingdom – state, Россия с начальных этапов и до настоящего времени была и продолжает быть государством, а точнее, государством, в котором пресловутая «вертикаль власти» традиционно замыкается на персонифицированной фигуре верховного правителя, формальное наименование которого (великий князь, царь, император, генеральный секретарь, президент) мало что меняет в функциональном смысле. В свое время один из основателей науки антропологии Г. Л. Морган отметил: «Рабство, собственность и служебное положение <...> развили аристократический дух, столь глубоко проникший в современное общество и антагонистичный демократическим принципам».¹ Формально рабства в русском/российском государстве не было никогда, однако отношение к человеку как к собственности («живому имуществу») государства является традиционным для российской национальной культуры. Опять-таки формально Октябрьская революция 1917 г. уничтожила в России сословное неравенство, на смену которому, однако, очень быстро пришла «новая аристократия» – советская партийно-хозяйственная номенклатура, которую в современной России сменило постсоветское «неодворянство». Многочисленные примеры противостояния власти и общества, зачастую приобретающего конфликтные формы, наглядным образом свидетельствуют о декларативной природе таких конституционных положений, как объявление многонационального народа Российской Федерации единственным источником государственной власти; признание человека, его прав и свобод основной ценностью.

Политогенез российского государства в настоящее время далек от своего завершения, и основная сложность заключается в неопределенности целевых установок и ценностных приоритетов, задающих его направленность.

Авторский подход к пониманию политогенеза как процесса формирования государства, равно как и восприятие самого государства в современном понимании этого явления, безусловно, носит субъективный характер и не претендует на «истину в последней инстанции». Предпринята попытка проанализировать государство в комплексе истории, теории, прaksiологии, отойти, насколько это возможно, от идеологических штампов и рассмотреть государство в контексте теоретической концепции реалистического позитивизма, суть которой заключается в неразрывном единстве юридической формы с историческим и социально-психологическим содержанием.

Книга, которую Вы сейчас держите в руках, посвящена государству как явлению многозначному и многофункциональному; государству как важнейшему фактору, влияющему на жизнь каждого из нас; государству как этапу национальной истории и явлению национальной культуры; государству как месту, где мы рождаемся, живем и умираем.

Любой из нас хочет жить в безопасности и комфорте, питая себя надеждой, что и государство в своей деятельности стремится к тому же. Однако «общее благо», которому служит и которое строит государство, порой вступает в противоречие с индивидуальным благополучием и личной свободой. Мы живем в государстве, а государство живет в нас. Мы привыкли друг к другу, хотя друзьями не являемся. Кто мы для государства – равные в своих правах, обязанностях, ответственности партнеры или же бесправные подданные, послушные винтики бездушной государственной машины? Однозначного ответа нет и быть не может. А государство было, есть и будет. Способно ли российское волюнтаристское государство стать со временем правовым state of law? Кто знает..

И еще... Эту книгу я посвящаю все тем, кто делал и делает мою жизнь счастливой!

¹ Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: 1935. С. 229.

Огромное спасибо моим родителям, учителям, друзьям, жене и дочери за понимание и поддержку. Особые слова благодарности хочу высказать своим первым читателям и доброжелательным редакторам – профессору Н. А. Бобровой и доценту Е. П. Рёттингер-Озерной.

Дай Бог всем нам мира и добра во всех его проявлениях. Аминь!

Глава 1

Генезис истории и политогенез: к вопросу о понятиях

1.1. Генезис истории

Любые рассуждения о сущности и содержании тех или иных явлений и событий следует начинать с определения основных понятий и принципов, эти явления и события характеризующих.

Генезис в изначальном значении этого термина представляет собой «происхождение, возникновение; историю зарождения и последующего развития, образования, создания чего-либо».

Генезис есть процесс и вместе с тем результат формирования того или иного явления от начальной точки его зарождения вплоть до законченной концептуальной конструкции. Говорить о генезисе можно по отношению как к естественной природе, так и к социальной культуре. Причем если генезис природных явлений человек может выявлять и анализировать, но не может оказывать сколько-нибудь значимого влияния на законы природы, то применительно к генезису в социально-культурной сфере человек выступает одновременно в качестве и творца, и разрушителя системы, называемой человеческой культурой.

Рассмотрение генезиса в качестве динамической характеристики процесса социального развития предполагает выяснение смысла, вкладываемого нами в содержание категории «развитие». Развитие – это непрерывный (либо прерывистый?) процесс качественных изменений исследуемого предмета от точки его возникновения как социального явления, вплоть до момента перехода в иное качественное состояние. Так, в плане развития, человеческая жизнь представляет собой процесс непрерывных физиологических и психологических изменений, начинающихся с момента человеческого рождения и прерываемых смертью. Предвижу вполне логичные вопросы:

– Можно ли включать в развитие в качестве составных элементов деструктивные элементы (стагнацию, деформацию и т. п.)?

– Возможно ли репродуктивное развитие, когда смена поколений предполагает не просто смерть (завершение статусного функционирования)², не важно, реальную или виртуальную, представителей «поколения отцов» и приход на их место «поколений детей», но сохранение позитивной развивающей динамики, связанной с прогрессивными изменениями в существующий социальный порядок?

– Является ли развитие синонимом прогресса? Если нет, то где та грань, которая отделяет прогрессивное развитие от регрессивного? и т. п.

Однозначного ответа на поставленные и связанные с ними вопросы нет и быть не может так же, как нет и не может быть ответа на вечные вопросы: «В чем смысл жизни?», «Как понимать право?», «Чьи интересы обеспечивает и защищает государство и когда оно перестанет существовать?».

² Под статусным функционированием в данном случае понимается форма поведенческой активности (жизнедеятельности) в определенной социальной сфере, где имеет место «смена поколений». Не важно, о какой сфере идет речь. Наука, спорт, государственная служба и т. п. В любой из этих областей человеческой деятельности конкретные люди занимают определенные места (функциональные роли), связанные с наличием соответствующих статусов (президент, чемпион мира, заведующий кафедрой, судья и т. п.). В таком понимании получение функционального статуса может ассоциироваться с «рождением» его носителя, а утрата – со «смертью».

Если однозначно ответить на поставленный вопрос невозможно, это не означает, что на вопрос не следует отвечать. Как уже было сказано, генезис характеризует собой процесс и вместе с тем результат развития (системного динамического изменения) рассматриваемого явления от определенной начальной точки («начала») вплоть до приобретения этим явлением законченной концептуальной формы. Возвращаясь к приведенному примеру человеческой жизни, можно и нужно различать генезис человека как биологического организма и генезис человека как социальной личности. В первом случае началом генезиса является зарождение человеческой жизни на клеточно-эмбриональном уровне, а завершением – фактическое рождение нового человека и обретение им собственного человеческого статуса. Говоря же о человеческой личности, следует обозначить в качестве начала фактическое рождение, а в качестве завершения – переход человека от детско-юношеского (иждивенческого) восприятия жизни к взрослому, связанному с формированием индивидуальной способности самостоятельно решать собственные проблемы и проблемы своих иждивенцев. Еще раз повторяю, что не стремлюсь навязать читателю собственную точку зрения и всего лишь пытаюсь рассуждать более-менее логично.

Итак, генезис – это развитие, т. е. качественное изменение рассматриваемого явления. Однако генезис не поглощает развитие явления и не прекращает его. Динамика социальной жизнедеятельности связана с непрерывным изменением реальности. Приобретение завершённой концептуальной формы, представляя собой завершение генезиса, не означает прекращение изменений. Следовательно, генезис, будучи имманентно связанным с развитием, развитию не тождественен.

Меня в рамках заявленной темы интересует генезис государства – политогенез, а политогенез, в свою очередь, есть не что иное, как один из видов генезиса истории.

Что такое история? В современном понимании история – это: 1) последовательное изменение любого процесса от прошлого к настоящему, фиксируемого с помощью определенной временной шкалы, 2) описание такого рода процессов, 3) комплекс наук об изменении и развитии общества в целом и его различных подсистем (стран, цивилизаций, этносов, социальных институтов, духовной жизни и т. д.). Кроме того, в русском языке, история – это рассказ о чем-либо или о ком-либо, как правило не претендующий на истинность и «историческую достоверность». В таком понимании история представляет собой синоним сказки, мифа, повествования, которые достаточно легко можно просто выдумать.

Полисемичность термина «история» обуславливает иллюзорность пропагандистских заявлений о недопустимости фальсификации истории. Если речь идет о хронологии явлений и событий, то следует просто фиксировать имевшие место факты, не давая им субъективной исторической оценки. Если же мы пытаемся объединить историческую хронологию и историческую интерпретацию, то следует исходить из множественности оценочных позиций и точек зрения, которые нередко приобретают не только противоречивый, но и взаимоисключающий характер. При этом о фальсификации истории чаще всего заявляет та сторона, которую по тем или иным причинам не устраивает позиция оппонента. Таким образом, имеет место монистическая модель мышления, в соответствии с которой «из всех точек зрения на рассматриваемый предмет правильной является только одна – моя».

Сложность заключается в том, что в условиях изменения парадигмы миропонимания в относительно короткий хронологический период меняется и представление о «правильной» истории. В частности, в советской историографии фигура последнего российского императора Николая II оценивалась исключительно в негативном контексте, свидетельством чему является широко распространенная в трудах советских авторов титулатура «Николай Кровавый».³ В

³ См.: Горбунова Ю. Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II в современной отечественной историографии: реальность и перспективы // Вестник Томского университета. Серия: История, 2005. № 289. С. 16.

современной России произошло радикальное изменение «исторической правды», следствием чего было причисление убитого большевиками самодержца к лику святых.⁴ Получается, что кардинальное изменение исторических оценок само по себе вполне допустимо и начинает рассматриваться как «фальсификация истории» только в том случае, когда осуществляется сторонней, мнение которой по той или иной причине не устраивает государственную власть, выступающую на всех этапах генезиса отечественной науки в качестве основного куратора, заказчика и оценщика научных исследований во всех сферах общественной жизнедеятельности. И национальная история в данном случае исключением не является.

Говоря о генезисе истории, в рамках обозначенной проблематики мы, конечно, имеем в виду область научных знаний с соответствующим названием.

С какого момента можно говорить о начале генезиса российской национальной истории как социальной науки и можно ли отождествлять историю народа (нации) и историю государства? Начну со второй части вопроса. История России как единства земли, народа и веры русской и история русского (российского) государства, представленного механизмом государственной власти, безусловно, не одно и то же. Появление первых исторических артефактов – текстов, авторы которых пытались описать историю «минувшего времени», знаменует собой начало генезиса истории национальной⁵, выступавшей в качестве предпосылки начала генезиса истории государственной, ведущей свой временной отсчет с появления во второй половине XV века на политической карте мира самостоятельного государства – Московского царства Всея Руси, во главе которого встал самодержавный государь – Царь (Император) Всея Руси.

Говоря же о генезисе российской исторической науки, равно как и науки как таковой, необходимо акцентировать внимание на понимании науки как специализированной области системного познания природы и культуры, в качестве признаков которого выступают:

- научная специализация – наука представляет собой совокупность научных специальностей;
- научная квалификация – наукой занимаются профессиональные специалисты, имеющие научную квалификацию – профессора, доктора и кандидаты наук;
- научная организация – организация научных исследований и подготовка научных кадров осуществляется в специально создаваемых научных учреждениях – университетах, академиях;
- научная традиция – наука неразрывным образом связана с формированием и функционированием научных школ, представляющих собой соединение различных поколений ученых и научных сотрудников, совместный научный труд которых направлен на достижение общих целей и решение обусловленных этими целями задач.

В таком понимании российская наука в своих первоначальных формах возникает в эпоху Петровских реформ, когда в России императорским указом создается Академия наук (1724 г.), в состав которой, по причине полного отсутствия «национальных научных кадров», вошли исключительно иностранные ученые.

Интересная особенность. Обычно академики предстают в обывательском сознании в качестве почтенных, убеленных сединами старцев. Однако, первый «академический призыв» был представлен в том числе очень молодыми людьми: Леонарду Эйлеру исполнилось 20 лет, Николаю Бернулли – 30, Даниилу Бернулли – 25, Герхарду Миллеру – 20, а Иоганну Гмелину на момент принятия его адъюнктом Академии было всего лишь 18 лет. Первому Президенту Российской академии наук Лаврентию Блюментросту на момент назначения было 32 года.⁶

⁴ См.: Бочарников И. В. Император Николай II. Хозяин земли русской // Человеческий капитал. 2018. № 4 (112). С. 9–19.

⁵ См.: Алексеев С. В. Обретение истории: «Повесть временных лет» // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 2. С. 3.

⁶ Для сравнения. По данным на 2007 год, средний возраст академика РАН составлял 72,6 года, члена-корреспондента – 66,1 года. Самому молодому Виктору Анатольевичу Васильеву на момент избрания в 1997 году членом-корреспондентом

В проекте Положении об учреждении Академии наук и художеств (1724 г.)⁷ отмечалось: «К розпложению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания; первый образ называется университет, второй – Академия, или Социетет художеств и наук.

Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юрис пруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором они ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют»⁸.

Первым российским академиком русского происхождения стал М. В. Ломоносов, зачисленный адъюнктом Академии в 1742 г. в возрасте 31 года.⁹

В отличие от зарубежных аналогов (к примеру, Британского Королевского научного общества, являвшегося и являющегося общественной организацией, не находящейся на государственном иждивении), Российская академия наук с момента своего создания вплоть до настоящего времени являлась государственным учреждением, существовавшим за счет государственной казны и предполагавшим достаточно существенные выплаты в отношении обладателей академического статуса.

Итак, российская наука как обособленное направление специализированной профессиональной деятельности возникает (рождается), в российском государстве, в первой четверти XVIII века.

В принципе, с этого же времени можно говорить о начале генезиса науки российской истории, точкой отсчета которой можно назвать назначение академика Г. Миллера историографом Российского государства. Именно ему отечественная история обязана появлением первой официальной версии российской национальной истории, получившей выражение в подготовленном и прочитанном в Академии докладе «Происхождение народа и имени российского». Русские академики, которые на момент прочтения доклада в составе Российской академии наук уже имели место быть (М. Ломоносов, С. Крашенинников, Н. Попов), к содержанию

РАН был 41 год. Это к тому, что в известной советской песне были слова: «Молодым везде у нас дорога...» Кстати, практически все молодые российские академики из «первого призыва» своими научными делами, безусловно, подтвердили реальность и заслуженность собственного академического статуса. См.: Кто самый молодой академик РАН // <https://shkolazhizni.ru/biographies/articles/15390/>.

⁷ Проект Положения об учреждении Академии наук и художеств был рассмотрен на заседании Сената 22 января (2 февраля) 1724 года. Вплоть до 1747-го проект был единственным положением об Академии.

⁸ Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 // <https://diletant.media/articles/35732714/>.

⁹ И еще одно интересное замечание. Парадоксально, но факт, первым русским академиком, причем не где-нибудь, а в Британском Королевском научном обществе стал в 1714 г. не кто иной, как выдающийся государственный деятель и, что характерно для истории российской государственной службы, крупнейший казнокрад своего времени Александр Данилович Меншиков. Письмо об его избрании членом Королевского общества написал сам великий английский ученый Исаак Ньютон: «Могущественнейшему и достопочтеннейшему владыке господину Александру Меншикову, Римской и Российской империй князю, властителю Ораниенбурга, первому в советах царского величества, маршалу, управителю покоренных областей, кавалеру ордена Слона и высшего прусского ордена Черного Орла и пр. Исаак Ньютон шлет привет. Поскольку Королевскому обществу известно стало, что император ваш, е. ц. в. с величайшим рвением развивает во владениях своих искусство и науки и что Вы служением Вашим помогаете ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук, постольку все мы исполнились радостью, когда английские негоцианты дали нам знать, что ваше превосходительство по высочайшей просвещенности, особому стремлению к наукам, а также вследствие любви к народу нашему желали бы присоединиться к нашему обществу. В то время по обычаю мы прекратили собираться до окончания лета и осени. Но, услышав про сказанное, все мы собрались, чтобы избрать ваше превосходительство, при этом были мы единогласны. И теперь, пользуясь первым же собранием, мы подтверждаем это избрание дипломом, скрепленным печатью нашей общины. Общество также дало секретарю своему поручение переслать к Вам диплом и известить Вас об избрании. Будьте здоровы. Дано в Лондоне 25 октября 1714 г.». Цит по: *Седаков В.* Первый русский академик? // <http://ques.ru/questions/pervyy-russkiy-akademik>. Пикантной подробностью решения Высокого научного собрания является то, что вновь избранный академик был неграмотным, что, конечно, никоим образом не умаляет его заслуг в качестве «выдающегося британского ученого русского происхождения».

доклада отнеслись резко отрицательно.¹⁰ Миллер обвинялся в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили».¹¹ Не напоминают ли уважаемому читателю такие выступления современные призывы, раздающиеся как от отечественных академиков-историков, так и от чиновников-патриотов о недопущении фальсификации истории и воспрепятствовании попыткам ее «переписывания»? Оказывается, что такого рода тенденции являются неотъемлемой частью отечественной исторической науки, во все времена «кормившейся от государства» и, следовательно, непосредственным образом зависящей от государственной благосклонности либо, напротив, неудовольствия.

Говорить о завершении генезиса истории российского имперского государства следует, на мой взгляд, с момента появления исторических факультетов в российских университетах и появления в XIX в. собственно российской исторической школы, давшей научному миру таких выдающихся ученых-историков, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.

Разрушение Российской империи и приход к власти политических сил, объявивших имперский (царский) период государственной истории России «проклятым прошлым», обусловил необходимость подготовки нового курса «новой российской истории». А пока такой курс готовился, в средних школах отечественную историю попросту не преподавали.

Целое поколение школьников 1923–1932 гг. закончили обучение, не получив сколько-нибудь системных знаний об истории собственной страны. И ничего удивительного в этом нет. «Строители передового коммунистического общества» жили светлым будущим, отвергая позитивный опыт прошлого как «пережиток», соответственно из «прошлой» истории в «новейшую» перекочевали только те положения, которые в той или иной степени подтверждали идеологическую платформу, где история советского государства, по сути, являлась составляющей более масштабной научной дисциплины – истории КПСС.

Если в основу генезиса советской исторической науки были положены идеи научного коммунизма и диалектического материализма, в соответствии с которыми история человечества представляет собой два этапа – до Великой Октябрьской социалистической революции и после, то в современной российской исторической науке имеет место тенденция, обозначенная инициативой действующего Президента В. В. Путина, полагающего необходимым и возможным создание единого логически непротиворечивого курса толерантной истории российского государства, начиная с древнейших времен и вплоть до настоящего времени. Говорить

¹⁰ К слову сказать, двое из критиков Г. Миллера, а именно С. Крашенинников и Н. Попов, к исторической науке вообще никакого отношения не имели. Первый являлся специалистом в области ботаники, второй – астрономии. Что же касается исторической компетентности М. Ломоносова, то это тоже большой вопрос. Подготовленная им Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого, или до 1054 года, представляла собой один из первых в отечественной историографии, однако далеко не последних примеров, когда попытка восславить Государство Российское опирается в первую очередь на эмоции самого автора, а не на объективные источники. По мнению С. В. Соколова, с которым вполне можно согласиться: «Столкновение Миллера и Ломоносова было обусловлено их принципиально разными подходами к писанию истории: целью Ломоносова являлось формирование картины прошлого, которая должна была бы вдохновлять современников через похвальный опыт; цель Миллера – реконструкция исторической реальности» (Соколов С. В. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской Руси // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 122). Таким образом, основным критическим посылом со стороны «прогрессивной российской русской научной общественности» был тезис о том, что: «Негоже немцам на славную российскую историю клеветать и великий русский народ всяческой непотребной хулой поносить». В принципе, понятно и в достаточной степени актуально. Достаточно вспомнить многочисленные пассажи на тему истории российского государства, противопоставляемые всевозможным фальсификациям со стороны Запада и его недостойных наймитов в исполнении нынешнего министра культуры РФ В. Мединского.

¹¹ Первая битва за русскую историю (Миллер и Ломоносов) // <https://cycron.livejournal.com/5944743.html>.

о том, насколько такой курс может претендовать на историческую объективность и беспристрастность, на мой взгляд, неконструктивно. Вспоминаются советские идеологемы: «Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть»; «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики»; «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и т. п.

Приходится констатировать, что изменение формального понимания исторической науки в плане ее целеполагания не повлекло за собой существенных субстанциональных новаций. Наука история продолжает носить «государственно ориентированный» характер и готова следовать тому курсу, который обозначает действующая государственная власть. Сегодня это курс на государственный патриотизм, основанный на утверждении исторической истинности представления о величии российского государства, производного от величия и эффективности государственной власти. Нет ничего удивительного в том, что исследования, авторы которых пытаются обосновать точки зрения, не совпадающие с «официальной историей», воспринимаются как дискредитирующие власть, а значит, являющие собой «фальсификационные измышления», единственная цель которых – «очернение великого народа и его великой истории».

1.2. Политогенез – динамическая характеристика государства

Представляя собой разновидность генезиса, политогенез обозначает возникновение, становление и развитие политической системы общества от предгосударственных форм к государственным, развитие политической подсистемы общества, которое в дальнейшем может перерасти в государство либо его аналог. Следует согласиться с Д. М. Перцевым, полагающим, что проблему политогенеза невозможно решить посредством однолинейных методов, используемых монистическими познавательными системами. Объяснение причинно-следственных связей, лежащих в основе процессов государствообразования и государственных трансформаций, возможно с использованием современных подходов, учитывающих многообразие объективных и субъективных факторов, под воздействием которых появляются и видоизменяются государственные организации общественной жизни и управления.¹²

Напомню, что термин политогенез был введен в научный оборот нашим соотечественником доктором исторических наук Львом Евгеньевичем Куббелем, по мнению которого под политогенезом понимается процесс перехода власти потестарной в политическую и непосредственным образом связанное с таким переходом «зарождение в реализации власти отношений господства и подчинения»¹³.

Являясь представителем советской исторической науки, Л. Е. Куббель в своих теоретических построениях руководствовался формационным подходом к типологии государства, в соответствии с которым происхождение государства связано с дифференциацией общества на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых, а развитие государства, выражающееся в «восхождении по формационной лестнице», обусловлено межклассовыми конфликтами, влекущими разрушение предшествующих формаций и образование на «обломках старого мира» формаций нового типа.

Возникновение социалистической общественной формации и одноименного типа государственной организации представляло собой, по мнению советских ученых, предпосылку перехода к безгосударственной коммунистической стадии общественного развития.

Направления (пути) политогенеза рассматривались в рамках трех основных подходов: восточного, западного, комплексного (синтетического).

Собственно, формационный подход был наиболее адекватно представлен в рамках западного направления политогенеза, предполагавшего последовательную смену рабовладельческой, феодальной и буржуазной формаций. Особенностью данного направления было наличие таких значимых факторов, как личная свобода и частная собственность. В рабовладельческом государстве данные факторы в комплексе представлены у представителей класса рабовладельцев, а в феодальном – у феодалов. В буржуазном государстве личная свобода приобретает всеобщий характер, однако сохраняется неравенство в сфере обладания правом частной собственности на средства производства жизненных благ. В условиях капиталистических отношений собственниками средств производства являются представители класса буржуазии. Лично свободные, однако неимущие, пролетарии вынуждены «сдавать внаем»; единственное, что у них есть, – собственные рабочие руки и профессиональные способности, за счет эксплуатации которых обеспечивается рост материально-финансового благополучия главенствующего класса буржуазии.

¹² См.: Перцев Д. М. К вопросу о теориях политогенеза // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 115–120.

¹³ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 37.

Что касается восточного (азиатского) и комплексного (синтетического) путей политогенеза, то их выделение было обусловлено прежде всего тем, что далеко не все государства могли быть вписаны в модель западного политогенеза.¹⁴

Восточные деспотии, основанные на азиатском способе производства, выделялись К. Марксом в качестве особого пути образования государства, в основу которого положены масштабные ирригационные и строительные работы, нуждающиеся в привлечении значительной по численности рабочей силы и организации централизованного руководства, опирающегося на силовое принуждение. При этом в условиях деспотий не существовало ни личной свободы, ни частной собственности. Глава государства – фараон являлся «живым богом», все остальные жители, независимо от социального статуса, были его рабами. Соответственно любая собственность любого «раба» в первую очередь являлась собственностью фараона, который мог как наделять ею, так и изымать ее, руководствуясь собственным усмотрением.

Выделение комплексного (синтетического) направления политогенеза являлось «новацией» советских ученых, стремившихся обосновать «особый» путь образования российского государства, миновавшего в своем становлении рабовладельческую формацию и сумевшего перейти к социалистической стадии развития на начальной стадии формирования буржуазных отношений. При этом доказывалось, что, в отличие от западного пути политогенеза, где буржуазия первоначально выступала в качестве революционного класса, российская буржуазия, равно как и российская аристократия (дворянство и духовенство), на всех стадиях государственного развития выступали в качестве реакционных сословий, строящих свою жизнедеятельность и благосостояние за счет угнетения «простого народа» – беднейшего крестьянства и пролетариата.

Разрушение советского государства и мировой системы социализма наглядно доказало ошибочность попыток дифференциации направлений политогенеза и обоснования тем самым существования каких бы то ни было «уникальных», свойственных только одному «избранному» народу путей создания государственной организации. Естественно, каждый народ создает собственную государственную культуру, основанную на национальном языке, традициях, религии, экономическом укладе. Однако, независимо от существующих особенностей, все народы в своем развитии проходят несколько стадий политогенеза, завершающихся формированием национального государства.

В качестве стадий политогенеза в современном его понимании следует отнести:

- закрепление народа за территорией «постоянного» проживания и формирование «государства-территории/страны»;
- выделение городской культуры общежития, производства товаров и услуг, организации и осуществления публичной власти;
- формирование аппарата профессиональной государственной власти и «материальных придатков», обеспечивающих реализацию внутренней и внешней государственной политики.

В таком понимании сам по себе политогенез является универсальным понятием, характеризующим процесс преобразования потестарного (предгосударственного) общества в политическое (государственное). В отличие от позиции Л. Е. Куббеля, по сути отождествлявшего понятия «государство – государственная власть», современное представление о политогенезе предполагает рассмотрение аппарата публичной политической власти, «отделенного» в своем формировании и функционировании от «государственно организованного сообщества» в качестве лишь одного из признаков государства, не поглощающего и не заменяющего собой государственную субстанцию.

Современное понимание политогенеза основывается на следующих положениях:

¹⁴ См.: Гостюшева Е. М., Якименко Л. А. Альтернативные точки зрения в российской науке на понимание исторического процесса (советский период) // Философские дескрипты. 2016. № 16. С. 5.

- соотношение фактической и юрисдикционной территории государства, а также определение и согласование на международном уровне геополитических сфер «государственного влияния»;

- определение «степени привязанности» индивида к государственной территории и системе гражданства/подданства;

- рассмотрение в качестве формально равных субъектов политических отношений государства как целостного юридического лица, субъектов федеративного государства, народа, институтов гражданского общества (религиозных конфессий, национальных групп, бизнес-корпораций и т. п.), отдельных граждан-личностей;

- понимание человека в качестве самоценной социальной единицы – человеческой личности, наделенной неотъемлемыми правами на жизнь, равенство, свободу, собственность, достоинство;

- признание первичности человека, его прав и свобод по отношению к общегосударственным интересам.

Безусловно, реализация этих положений в различных государствах осуществляется по-разному либо не осуществляется в принципе. Однако их использование в качестве оценочных параметров позволяет осуществлять сравнительный анализ состояния политогенеза применительно к различным национальным культурам и делать обоснованные предположения о его возможных перспективах в будущем.

В рамках проблематики обозначенной темой монографии политогенез будет рассматриваться в качестве комплексного явления, характеризующего собой процесс образования государства как завершенной социальной конструкции человеческой организации и публичной власти. Данный вид может быть условно назван «первичным политогенезом». Соответственно, «вторичным политогенезом» будет являться процесс государственной трансформации, в ходе которого качественным образом преобразуются традиционные государственные институты и происходит изменение восприятия социальной сущности государства в индивидуальном, групповом и общественном сознании.

Глава 2

Методологические основания исследования политогенеза

2.1. Государство и время

В отечественной юридической науке проблема появления и трансформации государства традиционно рассматривалась в аспекте приобретения и утраты нормативными актами юридической силы, а также в аспекте обратной силы закона, что само по себе предполагает определенную фрагментарность. Вместе с тем продолжает оставаться, по сути, неизученной проблема влияния времени на сам процесс правового регулирования.

В связи с этим необходимо проанализировать взаимозависимость государства и времени. При этом, прежде чем приступить к рассмотрению проблемы влияния времени на процесс политогенеза, следует разобраться с вопросом понимания времени как юридически значимой категории.

Представляется, что в юридической науке и практике существуют (хотя и до сих пор концептуально не оформлены) два типа понимания времени. С определенной долей условности эти типы можно назвать *астрономическим* (календарным) и *социально-историческим* (эволюционным) временем. Первый тип понимания времени используется в качестве некой измерительной шкалы, градация которой обусловлена прежде всего объективными закономерностями природных циклов (смена дня и ночи, времен года, приливов и отливов, сезонов дождей и пр.).

Можно утверждать, что объективность факторов, влияющих на измерения астрономического времени, предполагает независимость данной шкалы координат от социума. Иными словами, человек живет в рамках астрономического времени, приспосабливается к нему, однако не может оказывать на него преобразующего воздействия.

Применительно к юридической практике астрономическое время именуется сроком и измеряется днями, месяцами, годами и т. д. Временные сроки характеризуют такие юридические институты, как человеческая жизнь (применительно к тому или иному государственному деятелю), период правления определенной монархической династии, события, оказавшие значимое влияние на государственную жизнедеятельность (войны, государственные перевороты, административно-территориальные и политико-правовые трансформации и т. п.).

Астрономическое время невозможно преобразовать, оно существует объективно. Конечно, не обладая возможностью изменить время, можно попытаться изменить порядок его измерения. Подобное стремление особенно ярко проявляется в ситуациях, связанных с революционными изменениями политико-правовых систем. Так, после революций во Франции и в России с целью формального закрепления начала «новой эры» были введены новые календари. Вместе с тем подобные попытки повлиять на объективный характер течения времени носили столь же абсурдный характер, как и имевшие место в истории случаи, когда царственные особы «наказывали за прегрешения» моря, ветры, колокола и т. п. Естественно, что в названных примерах менялось не само время, а лишь календарные формы его исчисления.

В отличие от астрономического времени, характеризующего этапы (циклы), имеющие место в объективной природе, время социально-историческое используется для оценки состояния, в котором находился или находится тот или иной социум¹⁵. При этом следует иметь в

¹⁵ О социальном времени более подробно см.: Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978; Артемов В. А. Социальное время. Новосибирск, 1987; Сучкова Г. Г. Социальное время и проблема

виду, что законы общественного развития, в отличие от природных закономерностей, гораздо более подвержены изменчивому влиянию субъективных факторов, соответственно, и социальное время является в достаточной степени изменчивой категорией, которая в зависимости от обстоятельств может развиваться как в прогрессивном, так и в регрессивном направлениях. Взяв данный тезис за основу своих дальнейших рассуждений, можно сделать еще одно предположение: на течение социального времени человек способен оказывать осознанное (либо неосознанное) воздействие и, таким образом, в определенном смысле влиять на время, применять его. В этом принципиальное отличие социально-исторического времени от астрономического, чье направление и собственно протекание нельзя, во-первых, модифицировать, во-вторых, остановить, в-третьих, повернуть вспять. Социальное же время, обусловленное существованием человечества, во многом зависит от субъективной воли, что делает его, с одной стороны, уязвимым в смысле возможной внешней экспансии в систему общественной жизнедеятельности, приводящей к последствиям деструктивного характера, а с другой, делает восприимчивым к прогрессивным тенденциям, которые смогут привести к улучшению жизни как отдельной личности, так и социума в целом.¹⁶

Следующей посылкой, характеризующей социально-историческое время, является связь пространства и времени. В связи с этим целесообразно использование антиномий монохронность и дихронность социального развития, впервые обозначенных А. А. Макейчиком в монографии «Философия дихронности. Принцип дихронности и русское философское самосознание»¹⁷. Само понятие «дихронность» образовано от двух греческих слов (*dis* – дважды, двойной и *chronos* – время), буквально оно означает «двоевремя», концептуальный смысл принципа дихронности заключается в трактовке общественного развития «как процесса и результата интеграции двух социокультурных времен, его собственного и взаимодействующего с ним внешнего»¹⁸. При этом дихронным будет считаться общество, находящееся одновременно в своем социокультурном времени и ином, существенно влияющем на его развитие, которое исходит от другого субъекта социальной действительности.

Дихронность проявляется исключительно в случае встречи и (или) сосуществования двух (и более) обществ с различным уровнем развития, несущих в себе разные формы и степени цивилизованности. Условиями существования дихронной ситуации оказываются, во-первых, географическая неизолированность обществ, во-вторых, отсталость одного из субъектов дихронного процесса, который ассимилирует достижения другой стороны. В противном случае интеграция двух времен невозможна. Сторона, отставшая по каким-либо причинам в своем развитии (социальном, экономическом, политическом, правовом), после столкновения с новой социальной общностью приобретает новые, ранее неизвестные ей, способы и формы протекания общественной жизни.

Рассматривая общество как сложную динамическую систему, можно предположить, что первоначально социум развивается в рамках монохронной системы. Локальное общество живет и формируется под влиянием свойственных только для него географических, этнических, историко-культурных факторов, вырабатывая свои социальные регуляторы, которые необходимы для устойчивости, организованности и упорядоченности человеческих взаимоотношений. С определенной долей условности такое общество может быть представлено в соответствии с патриархальной теорией, предполагающей, что социум – семья, существует и развивается по традиционным канонам, утвердившимся в нем и эволюционирующим в зависимости от изменения семейных отношений. По прошествии нескольких поколений обще-

его освоения // Философские науки. 1988. № 6.

¹⁶ Ромашов Р. А., Анисимова А. Н. Действие права во времени // История государства и права. 2004. № 1. С. 6–10.

¹⁷ См.: Макейчик А. А. Философия дихронности. Принцип дихронности и русское философское самосознание: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2001. 62 с.

¹⁸ Там же. С. 18.

ство в своем развитии вызревает настолько, чтобы либо самостоятельно перейти к государственному образованию (в этом случае общество самостоятельно формирует методы правового регулирования, создает правовые нормы, и на него не оказывают существенного влияния другие субъекты общественной жизни), либо добровольно или насильственно включается в другую систему социального и правового регулирования. В этом случае происходит «поглощение» более сильной социальной формацией этого меньшего (по численности, территории, силе, степени цивилизованности и пр.) общества; последнее же принимает публично установленную власть. Это так называемая *внутренняя дихронность*, предполагающая сосуществование локальной социальной группы (или групп) внутри одного социума. Хотя эти социальные образования находятся в одном территориальном и временном пространстве, некоторые из них в составе «основного общества» могут характеризоваться своими социальными регуляторами, в том числе и правовыми, которые развились у них в силу социально-исторического прогресса и по своему содержанию могут совпадать или не совпадать с публично установленными регуляторами «основного общества». При несовпадении этих категорий корпоративным группам в составе единого социума позитивное право будет навязано. Это имеет место постольку, поскольку позитивное право, во-первых, носит публичный характер, т.к. оно установлено высшими государственными органами, которые по своей юридической природе и силе стоят много выше протогосударственных образований меньшей единицы общества, во-вторых, оно обладает общезначимостью и общеобязательностью, а также возможностью применения санкции за несоблюдение предписаний.

Между тем, рассматривая лишь публичную власть, мы не должны забывать о социальной (власти локальной группы), существующей параллельно, а в некоторых случаях вопреки публично установленной. Здесь правовая дихронность имеет ярко выраженный характер, потому что социальная группа оказывается одновременно в двух социальных системах, подчиняясь публично-правовым нормам и принципам, принимаемым от имени государства, и живя по правилам своей общины. Если социальные правила общины и нормы публичной власти не противоречат друг другу в общезначимых вопросах, такое положение устраивает всех субъектов дихронного процесса, и эта община в составе единого социума не стремится к временному и пространственному отделению и признанию за ней автономности.

Иное дело – противоборство обществ (явное или латентное). В данном случае любая возможность выйти из-под навязанной публичной власти будет рассматриваться локальной группой как шанс обрести свободу и независимость. Таким примером дихронности социальной системы является бывший СССР, в котором были представлены как современные (достигшие уровня государственной организации) социумы, так и общности, находившиеся на более ранних стадиях развития. Распад СССР обусловил не только обретение «вновь созданными» государствами географической обособленности, но и зачастую возврат к их монохронности в политико-правовой сфере.¹⁹ При этом примеры истории убеждают нас, что восстановление исторического статус-кво отнюдь не во всех случаях приводит к положительному результату.

Социальное развитие объективно предполагает наличие нескольких обществ с различным уровнем цивилизованности и их социальную интеграцию – взаимопроникновение социумов, что, в свою очередь, влечет смену социальной монохронности дихронностью. По сути, это означает взаимопроникновение социумов, культуры которых характеризуются различными параметрами социального времени. В этом проявляется *внешняя дихронность*. К примеру, эпоха Великих географических открытий привела к тому, что более развитая (в техническом отношении) Европа стала совершать перемещение не только в пространстве, но и во времени. При этом «блага цивилизации» зачастую оказывали негативное воздействие на культуру наро-

¹⁹ Наглядным примером возврата к феодальной монохронности являются государства, возникшие на базе среднеазиатских республик бывшего СССР (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан).

дов, находящихся на более ранних стадиях развития.²⁰ В данном случае представляется уместным обращение к Г. В. Ф. Гегелю, по словам которого «Наполеон хотел, например, а priori дать испанцам государственное устройство, что достаточно плохо удавалось. Ибо государственное устройство не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами. То, что Наполеон дал испанцам, было разумнее того, чем они обладали прежде, потому что они еще не достигли необходимого для этого развития. Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и его состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности».²¹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс эволюционного развития различных социальных групп следует анализировать с учетом социального времени, влияющего на сущность и содержание общественных отношений, складывающихся в рамках определенных социальных общностей, а также между ними.

Применительно к характеристике процесса правового регулирования данный вывод является основанием для заключения о том, что социальное время оказывает *непосредственное влияние* на содержание процесса правового регулирования, рассматриваемого в контексте соотношения его предмета и метода.

Традиционно предмет правового регулирования (общественные отношения, нуждающиеся в юридической регламентации) рассматривается как явление первичное по отношению к методу и, таким образом, данное соотношение представляет собой логическую связь причины (предмета – общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании) и следствия (метода – приемов, средств, процедур, при помощи которых правовое регулирование осуществляется на практике).

Вместе с тем в юриспруденции получила распространение концепция взаимного влияния предмета и метода правового регулирования. В соответствии с этой концепцией метод, возникая как следствие предмета, в свою очередь может оказывать стимулирующее либо ограничивающее действие на предмет и таким образом влиять на процесс развития соответствующих отношений.²² Причем в ряде случаев обосновывается точка зрения, в соответствии с которой метод правового регулирования может предшествовать предмету. В качестве примера ситуации подобного рода называются процессы приватизации и акционирования государственной собственности в России, имевшие место в конце XX века, связанные с законодательным закреплением методов правового регулирования, являющихся первичными по отношению к сложившимся на тот момент социально-исторического развития общественным отношениям. По мнению авторов, во многом негативные последствия названных процессов были предопределены не столько несовершенством механизмов, при помощи которых эти процессы инициировались и управлялись, сколько «неразвитостью» (с точки зрения соответствия социальному времени) общественного правосознания.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что процесс правового регулирования ограничен в своем действии определенными сферами: пространственной, социальной, хронологической.

Хронологическая сфера правового регулирования представляет собой определенный временной срез (этап) социального времени, характеризующий уровень социальной (в том числе

²⁰ Достаточно вспомнить уничтожение испанскими колонизаторами цивилизации ацтеков и майя; негативные последствия европейского вмешательства в культуры африканских и азиатских народов и пр.

²¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 315.

²² К примеру, государство не может в приказном порядке обеспечить тот или иной уровень рождаемости, даже если об этом говорит сам Президент. Однако посредством методов правового регулирования данный процесс может стимулироваться (Западная Европа) либо ограничиваться (Китай).

правовой) культуры обособленного (пространственной сферой юрисдикции государства) социума. В свою очередь, если социум живет в свойственном только для него социальном времени (хроносфере), то интеграция социумов приводит к «пересечению хроносфер».

Применительно к практике общественно-политического развития это означает, что зачастую методы социального (в том числе правового) регулирования в том случае, если они заимствованы у социума, жизнедеятельность которого осуществляется в рамках отличной от данной хроносферы, могут не принести желаемого позитивного эффекта; более того, в ряде случаев их внедрение в систему социального регулирования приводит к усилению деструктивных тенденций и не ускоряет, а напротив, замедляет социальное развитие и при определенных обстоятельствах может привести к качественному изменению социального времени (социальный прогресс может смениться регрессом).²³

«Пересечение хроносфер», то есть процесс интеграции своего времени и инспирированного другой стороной, по нашему мнению, может проходить в таких формах, как:

- инкорпорация;
- имплементация;
- рецепция.

В общетеоретическом смысле *инкорпорация* означает включение в структуру правового механизма государства такой юридической конструкции,²⁴ которая характерна для другого общественно-политического строя (хроносферы) и которая ранее не использовалась в рамках правовой системы (хроносферы) заимствующего государства.

Примером инкорпорированной дихронности может служить государство Куба, которое до 1959 года имело преимущественно испанское право, но после победы революции был провозглашен курс на социалистические реформы в стране. Революционные власти не стремились к немедленному и полному упразднению прежней правовой системы. Действующее после революции право представляло собой сложное переплетение старых и новых нормативных актов, основывающееся на сочетании новых социалистических правовых принципов, идей и институтов, заимствованных прежде всего у СССР как у «флагмана коммунистического строительства», с твердой приверженностью к национальным правовым традициям, которые были основаны на богатейшей правовой культуре бывшей метрополии – Испании, и на весьма интересном правовом опыте предреволюционного периода.

Процесс, протекающий в форме инкорпорации, имеет ряд недостатков. Во-первых, инспирированная юридическая конструкция существует обособленно и в какой-то степени автономно внутри правовой системы дихронного государства, что ведет к ее изолированности от механизма правового регулирования. Первый недостаток обнаруживает второй: такая изолированность существенным образом отражается на всей системе права, которая предполагает прежде всего совокупность юридических норм и их однородность, как в смысле происхождения и применения, так и в связи с их юридической природой, понимаемой здесь как принадлежность к определенной хроносфере. Все изложенное означает нецелесообразность переноса правовой конструкции, созданной в условиях одного общественно-политического строя (хроносферы), в другой, принципиально и по многим позициям отличающийся от первого. Действительно, если попытаться инкорпорировать институт частной собственности на землю, подразумевающий такие правомочия собственника, как владение, пользование и распоряжение, в социалистическое право, то это пошатнет принцип монопольного права государства на все недвижимые объекты и в конечном итоге приведет к краху всей социалистической системы, потому что частная собственность задела бы собственно экономическую и политиче-

²³ Например, колонизация Американского континента.

²⁴ Юридическая конструкция в данном случае толкуется расширительно, она может включать такие категории, как отрасль права, институт права, норма права и др.

скую основу всего государства. Поэтому за все 70 лет существования социализма и попыток создания коммунизма в СССР такая норма не была введена, хотя мировая практика знает этот институт со времен расцвета правовой мысли древнеримского государства.

Второй формой «пересечения хроносфер» является *имплементация*, концептуальный смысл которой заключается во взаимном искусственном «наполнении» и дальнейшем «растворении» какой-либо юридической конструкции в хроносферах двух и более государств. Это означает полную ассимиляцию перенесенной конструкции в позитивном праве государств. Принимая на себя обязанности по включению в свою хроносферу новой правовой конструкции (будь то правовая норма, метод правового регулирования или институт права), государства должны обеспечить ее функционирование и реализацию, дабы такая конструкция не была «мертворожденной», чего не всегда удается избежать. В этом основной недостаток имплементированной дихронности. В государстве должны существовать механизмы реализации юридической конструкции, в противном случае она будет лишь декларативной, не повлечет никаких правовых последствий и не достигнет той цели, для которой была имплементирована. Государства-участники заранее должны учитывать социально-правовые и экономические реалии объективной действительности в смысле возможного усвоения и реализации правовой конструкции в рамках своей хроносферы; здесь вновь проявляется социальное время, характеризующее уровень социального развития общества. К примеру, Россия в Конституции 1993 года провозгласила себя правовым государством, вторя западным странам. Но каждый хоть сколько-нибудь задумывающийся над судьбою России человек осознает всю декларативность данного положения, потому что в нашем государстве нет еще той почвы, на которой можно взрастить древо правового государства, уже «цветущее» у наших западных соседей. В России не завершено правовое построение так называемой «системы сдержек и противовесов» между ветвями власти, до сих пор верховенство закона прописано лишь в самом законе и на практике воспринимается как лишенная реального значения декларация, основным законом государства продолжает оставаться «возведенная в закон» воля государства, а точнее, воля действующего главы государства – фактического российского государя. Получается, что имплементированная из иной политико-правовой системы формальная конструкция сама по себе не дает заметного положительного результата, играя роль абстрактного целеполагания в необозримой перспективе «движения в направлении бесконечности».

Иное дело – *рецепция*, то есть восприятие и усвоение обществом и государством какого-либо правового института, происходящего и функционирующего в рамках другой хроносферы. Данный вид правовой дихронности предполагает усвоение лишь собственно института, «оболочки», не затрагивая его содержания. Общеизвестно, что, начиная с XII века, происходит и захватывает большинство государств Западной Европы один из важнейших исторических процессов всей эпохи феодализма – рецепция римского права. Она была необходима ввиду того, что действующая на тот момент правовая надстройка уже не удовлетворяла интересы отдельных феодальных государств. Римское право (преимущественно частное) как право рабовладельческого государства не могло в своем неприкосновенном виде стать законом общества, в недрах которого уже начали развиваться буржуазные отношения, поэтому-то оно в процессе рецепции подверглось многочисленным приспособлениям, далеко идущим толкованиям и переработке: из текстов извлекались общие принципы, многочисленные теории сделки, понятия и защиты владения и т. п., но самих этих теорий в Риме, конечно, не было. То есть из права Римского государства заимствовались лишь институты, но без их исходного содержания, потому что оно не могло быть приемлемым даже для государств Средневековья, не говоря уже о периодах Нового и Новейшего времени.

По мнению авторов, последний тип дихронности является наиболее предпочтительным, поскольку для него в меньшей мере свойственны те недостатки, которые были обозначены выше при рассуждении о других формах интеграции временных сфер.

Подведя черту под всем вышеизложенным, можно заключить следующее. Дихронный подход по своему смыслу не является ни одиозным, ни атрибутивным, т. е. обязательным. Это лишь еще одно суждение о таких понятиях, как общество и государство, право и время. Мы попытались провести касательную между этими категориями, находящимися под перманентным влиянием друг друга, совокупность которых охватывается понятием хроносфера.

При ближайшем рассмотрении хроносфера и есть то прокрустово ложе, в коем покоится связь между пространством и временем как социально значимыми категориями.

Функциональный подход к вышеочерченной проблеме обнаруживает принципиально новый взгляд на такие общетеоретические вопросы, как политический режим (а именно, его детерминированность определенной хроносферой), срок действия закона (в смысле возможного увеличения или, напротив, усечения данного срока в зависимости от той социально-политической действительности, в которой применяется закон), механизм правового регулирования (его подчиненное положение относительно хроносферы общества) и др. Таким образом, можно сделать вывод о целесообразности использования понятий «хроносфера», «дихронность» и «монокронность» для уяснения. Дихронность рождает пересечение хроносфер, происходящее в трех формах, причем оптимальной для социума представляется рецепция, характеризующаяся ассимиляцией юридической формы того или иного института права без заимствования его содержания, а следовательно, есть возможность изменить его и вложить в традиционную форму новый смысл, что сделает его приемлемым для того общественно-политического строя, куда этот институт внедряется.

2.2. Линейность политогенеза

В наиболее общем понимании *политогенез – это процесс развития политической системы общества, трансформируемой на определенном этапе в государство.*

Государство самым фактом своего появления делит человеческую историю на два макропериода: догосударственный (первобытный, архаический, варварский) и государственный (политический, цивилистический). Сформировавшись как самостоятельное социально-культурное явление, государство развивается и изменяется в непосредственной связи с развитием и изменением общественных отношений. Древнее государство столь же не похоже на современные аналоги, сколь не похож на современного человека его далекий предок. Вместе с тем и древнее, и современное государство едины в своей государственной сущности – особой формы человеческой организации и публичной власти.

Рассмотрение политогенеза как динамической характеристики государства предполагает выделение в нем двух составляющих: политогенеза возникновения государства и политогенеза трансформации государства.

Политогенез возникновения государства представляет собой процесс формирования государства как явления человеческой культуры. Так же, как человек формируется в утробе матери и считается рожденным, когда из этой утробы извлекается, так и государство возникает на основе складывающихся в обществе предпосылок и получает свое оформление в совокупности характеризующих его признаков, атрибутов, символов.

Политогенез трансформации государства связан с выделением и анализом этапов и закономерностей государственного развития.

Линейный политогенез оперирует представлением о линейной истории, основывающейся на непрерывной хронологии явлений и событий, развивающихся от начальной точки по направлению к бесконечности.

В рамках линейного политогенеза древнее, средневековое, новое и новейшее государство – этапы, ступени развития одного и того же государственного феномена, воспринимаемого по аналогии с живущим человеком, минующим в собственном генезисе последовательные и взаимно обуславливающие фазы рождения, детства, юности, зрелости... Однако в отличие от человека, зреление которого неминуемо перерастает в старение, завершающееся смертью, линейный политогенез в отношении государства предполагает непрерывную позитивную динамику, обуславливающую переход от примитивных государственных форм к прогрессивным. И, как уже было отмечено, этот процесс не предполагает окончания выраженного в «старости и смерти» государства. Следовательно, сравнение государства с человеком некорректно. Человек в своей жизни движется от рождения к смерти, от юности к старости, а государство, родившись однажды, всякий раз декларирует собственную вечность и в своем историческом развитии идет от древней истории к новейшей.

Применительно к истории российского государства линейный политогенез обуславливает конструирование линейной государственной истории, в соответствии с которой Россия как единое государство возникает в IX–X вв., проходя в процессе политогенеза последовательные взаимосвязанные этапы государственной централизации, феодальной раздробленности, татаро-монгольского ига, собирания земель русских, Русского царства, Российской империи, РСФСР, СССР, РФ. При этом считается, что перечисленные этапы характеризуют одно и то же государство («Великую Россию»), формально-содержательная трансформация которого не противоречит принципам государственного единства и общегосударственной истории.

2.3. Цикличность политогенеза

Представляемая гипотеза является попыткой осмысления детерминант, предопределяющих направленность и содержание политогенеза. При этом за основу будет принято несколько положений.

1. Отношения, предопределяющие структуру социальной организации, базируются на том или ином типе взаимодействия публичных и частных интересов. В наиболее общем виде следует выделить два основных типа отношений:

- приоритет публичного интереса по отношению к частному и рассмотрение последнего в качестве производного от публичного и вторичного по своей социальной значимости;

- приоритет частного интереса по отношению к публичному и восприятие последнего с точки зрения «осознанной необходимости». Ограничение частного интереса публичным допускается постольку, поскольку носитель частного интереса осознает необходимость такого ограничения в целях упорядочения отношений с другими субъектами частных интересов, разрешения возникающих спорных ситуаций, а также обеспечения эффективной защиты собственного интереса от разного рода негативных посягательств.

2. Государство представляет собой форму социальной организации, создаваемой в целях упорядочения отношений между людьми, защиты социума от внешних и внутренних угроз, а также осуществления публичной политической власти. В историко-теоретической науке традиционно разграничиваются два направления возникновения и трансформации государства: западный и восточный. В основу такой дифференциации положено деление Римской империи на Западную (католическую) и Восточную (православную), с последующей ассоциацией в качестве «восточной цивилизации» любой другой культуры, не принимающей системы «западных ценностей». Так, появление на политической карте мира социалистической системы обусловило понимание в качестве «восточных» тех стран, где установились коммунистические и прокоммунистические режимы.

На наш взгляд, деление государств на западные и восточные мало что дает в конструктивном плане, поскольку носит сугубо условный характер и не наполнено какой бы то ни было функциональностью. Более конструктивным представляется проводить дифференциацию по принципам соотношения и взаимодействия государства, общества, личности. В рамках предлагаемого подхода все государства могут быть условно подразделены на две группы: либертарные (от лат. *libertas* – свобода) и тотальные (от лат. *totalis* – весь, целый, полный; лат. *totalitas* – цельность, полнота):

- Либертарный подход предполагает формирование государства как инструмента обеспечения частных интересов и прежде всего права частной собственности. Государство упорядочивает отношения между собственниками, разрешает конфликты между ними и привлекает к ответственности нарушителей установленных правил. При этом государство воспринимается как организованный и управляемый посредством общих правил и механизмов союз носителей частных интересов (союз собственников).

- Тотальный подход предполагает создание государства как инструмента, посредством которого социум сплавивается в монолитное целое – «государственный мир», единый и неделимый. С созданием такого «целого» первоначально связываются масштабные коллективные работы, требующие централизованного планирования и высокой согласованности в деятельности отдельных социальных составляющих (ирригационные работы, строительство пирамид и т. п.). При этом политическая власть в таком государстве, по сути, является неограниченной и бесконтрольной. Государь является хозяином государства, так же как помещик, владеющий своей вотчиной. В собственности государя находится не только земля, но и подданные «государевы люди». Причем место «государева человека» в системе социально-политической иерар-

хии всецело зависит от «государевой воли». Естественно, что при подобном подходе частные интересы отдельных представителей социума значимы настолько, насколько способствуют реализации и безопасности публичного интереса (по сути, интереса государя).

3. Отношения политической власти и частной собственности следует рассматривать в контексте соотношения публичных и частных интересов.

– В государстве либертарного типа частная собственность выступает в качестве основной ценности, а политическая власть воспринимается в качестве ценностной детерминанты, обусловленной наличием частной собственности. В подобном понимании основными задачами власти являются создание и поддержание режима, упорядочивающего отношения между собственниками, обеспечивающего эффективное разрешение конфликтов как между самими собственниками, так и между собственниками и государством, а также создающего эффективную систему гарантий, позволяющих защищать собственность от различного рода негативных посягательств. Таким образом, частная собственность является первичной, а политическая власть – производной от нее.

– В государстве тотального типа в качестве объекта собственности выступает само государство. При этом все, что в данном государстве находится, принадлежит государю. Естественно, что ни о какой частной (в смысле, обособленной от «государства-государя») собственности речь не идет. В подобной системе качественным образом меняется механизм приобретения и приумножения собственности: если для либертарного государства – это создание, наследование, накопление, то для тотального – это в первую очередь экспроприация (причем последняя воспринимается в качестве абсолютно правомерной, поскольку правом на распоряжение любой собственностью в государстве наряду с непосредственным владельцем обладает государь либо его вассал, наделенный соответствующими полномочиями). Таким образом, обладание политической властью рассматривается в государстве тотального типа как условие приобретения и приумножения собственности. Политическая власть является первичной, а частная (более точно, личная и коллективная) – производной от нее. В подобном государстве возникает ситуация, когда реальным собственником человек является только при условии занятия соответствующего положения в аппарате политической власти.

4. Развитие либертарного государства осуществляется по принципу спирального (мутирующего от лат. *mutantur* – изменяющийся) цикла. Анализ данного направления государственного развития позволяет говорить о последовательном накоплении опыта, связанного с разграничением публичных и частных интересов и установлением определенного баланса между ними.

Политическая власть в подобном формате отношений представляет собой вид управленческого труда. Специфика такого труда определяется его элитарностью (власть осуществляют представители социальных элит/стратов, относящихся к «верхним слоям» общества и сочетающих личную свободу и достоинство). Ротация представителей управленческого аппарата носит последовательный характер, при этом объективные закономерности «вхождения во власть и восхождения во власти» предопределяют смену поколений управленцев и восприятие каждым последующим поколением опыта, полученного предшественниками.

5. Развитие тотального государства (к данному типу, как нам представляется, относится Россия) осуществляется в рамках круговой (повторяющейся) цикличности по принципу, который мы условно называли «принципом прерывистой истории». В соответствии с данным принципом каждый новый исторический цикл является концептуальным повторением предыдущего и включает в себя следующие стадии:

- приобретение политической власти;
- нейтрализация реальных либо потенциальных соперников, способных претендовать на получение власти (формы нейтрализации, как правило, сводятся к изгнанию из государства

(Курбский, Троицкий, Березовский и т. п.) либо физическому уничтожению. Примеров российская история демонстрирует огромное количество);

- экспроприация частной собственности и ее трансформация в публичную собственность (по сути, собственность государя);

- наделение властными полномочиями своих сторонников;

- распределение собственности по принципу местничества – чем выше место вассала в системе политической иерархии, тем большей собственностью он обладает;

- усиление тенденций автономизации и децентрализации, обусловленных сочетанием политической власти и собственности. При этом вассал начинает воспринимать себя в качестве «регионального государя». Чем более он автономен от «великого государя», тем в меньшей степени он зависим от него. В подобных условиях снижается эффективность централизованного управления, что приводит к ослаблению единого централизованного государства и обуславливает кризис системы управления;

- появление центра активности, направленной на разрушение существующей системы управления;

- разрушение ранее существовавшей системы управления и начало формирования новой системы. При этом за основу берется принцип отрицания позитивной значимости опыта, накопленного в предшествующий период. Предшествующая история объявляется «неправильной», поскольку «правильной» является только новейшая, вновь создаваемая история. По сути, данный этап является завершением предшествующего и началом следующего цикла.

2.4. Ритмы российской государственной политики: от «какофонии» разделения государственной власти к «симфонии» государственного единства

Рассмотрение правовой политики в качестве динамической категории, существующей и изменяющейся в рамках определенного социопространственно-временного континуума, позволяет говорить о ней как о циклической системе, подчиняющейся в своем развитии определенным ритмам.

Россия на всех этапах государственной истории тяготела к монархическим формам правления, основанным на выстраивании иерархической пирамиды (вертикали) публичной власти, замыкающейся в своей вершине на фигуре персонифицированного главы государства. В условиях фактической монархии государственная политика вообще и правовая политика в частности осуществлялись в ритме, задаваемом «сверху». Как в симфоническом оркестре музыканты подчиняются дирижеру, так же и в политике, исходящей от централизованной государственной бюрократии, основные властные полномочия сосредоточены у «главного государственного чиновника», дирижирующего «бюрократическим оркестром».

Ритм правовой политики централизованного государства – это императивный порядок единого строя, подчиненного «строевому уставу» и воле командира-единоначальника. Отсутствие командира либо, что еще хуже, появление нескольких начальствующих субъектов, в равной степени претендующих на высшие командные полномочия, превращает порядок в хаос, а симфонию суровых, но справедливых и единственно верных приказов Верховного главнокомандующего – в какофонию безудержной борьбы за власть, приводящей к властному произволу победителей по отношению к проигравшим (в числе которых в любом случае оказывается простой народ).

Применительно к российской истории случаи практического разделения властей связываются со «смутными временами», влекущими многочисленные беды и невзгоды. А. Н. Медушевский отмечает: «Аморфность и незащищенность общества, в том числе, и верхних его слоев, слабость среднего класса и отсутствие западных традиций борьбы за политическую свободу <...>, а главное, внешний, навязанный характер государственного начала при проведении социальных преобразований сделали непрочной всю социальную систему, для которой в принципе были характерны лишь два взаимоисключающих состояния: механическая стабильность, переходящая в апатию (в периоды усиления государственного начала), или обратное состояние – дестабилизация, переходящая в анархический протест против государства (в случае его слабости). При отсутствии стабильности возникает тенденция к “параду суверенитетов”. Когда система вновь восстанавливается, возникает тенденция к “собираанию земель”, ведущая к централизации, доходящей до абсолютизма».²⁵

Получается, что основной целью, задающей направленность и определяющей содержание политики российского государства (независимо от правовой формы ее выражения), является обеспечение единства социально-политической системы на всех ее уровнях и во всех проявлениях.

В области публичной власти принцип единства реализуется посредством неделимого государственного суверенитета; в сфере права это означает «подгосударственный» характер принимаемых законодательных актов, а также «прогосударственную» направленность юридического процесса, продолжающего тяготеть к приоритету публичного интереса по отношению

²⁵ Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 287.

к частному, а также к доминированию обвинительного уклона уголовного следствия и правосудия над состязательным.

Ритмичность как свойство правовой политики предопределяет необходимость выявления кодировки, при помощи которой закрепляются базовые социальные ценности, с достижением и обеспечением которых связывается деятельность государства.

Применительно к правовой политике государств, относящихся к системе традиционной западной демократии, в качестве такого кода может быть названа триада «Свобода. Равенство. Братство». При этом ключевым словом является «Братство», означающее солидарность и партнерство юридически равных и свободных личностей (физических и юридических), обладающих определенным объемом неотъемлемых прав и законных интересов, реализуемых в договорных формах.

В свою очередь, в странах, ранее относящихся к социалистической правовой семье, а в настоящее время находящихся на постсоветской стадии социально-политического развития, в ходу была иная триада: «Мир. Труд. Май». Несмотря на кажущуюся бессмысленность, в ней тоже есть определенная логика.

Слово «мир» обозначает в русском языке три важнейших смысловых образа: это, во-первых, все, что окружает человека, т. е. рассматриваемые в совокупности природные и культурные явления во всевозможных их проявлениях (отсюда «бесконечность мироздания»; многообразие миров и т. п.), во-вторых, общность людей, связанных неразрывными «кровно-родственными» и духовными связями (отсюда «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»),²⁶ а в-третьих, состояние «невоенного» существования государства и общества. В отличие от западной политико-правовой культуры, базирующейся на разделении индивидуальных, корпоративных и государственных интересов, а также на отделении государства от общества и церкви, российская культура оперирует миром как целостной, неразделяемой категорией, в которой интересы отдельной личности (коллектива, корпорации) производны от публичных интересов государства и вторичны по отношению к ним.

«Труд» является основной доминантой социалистической правовой политики («Кто не работает, тот не ест»; тунеядство – состав преступления по советскому УК), отсутствие частной собственности и формальный запрет экономической эксплуатации человеком человека придают труду характер единственного легального средства экономического жизнеобеспечения. В отличие от советской традиции, на Западе труд обязательным не является и в силу этого не обеспечивается системой развернутых государственных гарантий и санкций. Одним из проявлений личной свободы является «свобода труда», предполагающая возможность самостоятельного выбора человеком вида и характера своей жизнедеятельности. Индивид самостоятельно и добровольно принимает решение о том, в какой сфере социальной деятельности он будет осуществлять профессиональную трудовую деятельность и будет ли трудиться в принципе.

Третье слово «май», действительно, в связи с двумя ранее «расшифрованными» кодами смысла не имеет. Вместе с тем можно согласиться с оригинальной гипотезой, высказанной Ю. Ю. Ветютневым,²⁷ по мнению которого слово «май» необходимо для завершения триады посредством замены «неудобного» выражения «удобным». Если же следовать логике ритма социалистической (постсоциалистической) правовой политики, то заключительным словом должен быть «страх», являющий собой цементирующую основу для «русского-советского мира» и выступающий наиболее действенным стимулом для труда, в отношении которого государство применяет неэкономические формы эксплуатации.

²⁶ Именно в таком представлении заключается смысл русских пословиц: «На миру и смерть красна», «С миру по нитке, голому рубаха» и т. п.

²⁷ Данная догадка высказана в ходе устной беседы Ю. Ю. Ветютнева с автором, и ее упоминание в тексте, по сути, является первым источником формального закрепления в качестве «ноу-хау».

В мире тружеников, сплоченных в единую общность «многонациональный советский/российский народ» страхом перед механизмом государственного принуждения, идеалом публичной политической власти является «симфония властей», подчиненных в своей организации и функционировании единой мелодии под названием «государственная (национальная) идеология» и «всемогущему» дирижеру – фактическому главе государства, в руках которого сосредоточены практически абсолютные властные полномочия.

2.5. Будущее как объект научного осмысления на современном этапе политогенеза

Настоящего как статичного (неизменного) во времени показателя (характеристики) состояния общественных отношений в реальной жизни не существует.

Время как система измерения представляет собой систему координат, актуальную и значимую только для того, кто в ней находится. В таком понятии в смысле настоящего следует использовать термин «современное», означающий соучастие субъектов в социальных процессах, протекающих в рамках совместимых для конкретных участников конкретных коммуникаций временных параметров.²⁸

Время делится на объективное – астрономическое (календарное) и субъективное – социально-историческое. Выделение во времени прошлого и будущего актуально только для социально-исторического времени, применительно к которому прошлое можно измерять, описывать, анализировать, оценивать, но нельзя изменять. В свою очередь, будущее можно моделировать с той или иной степенью вероятности и достоверности. Будущее объективно. Оно наступит независимо от субъективного восприятия и отношения к грядущим перспективам. Понимание будущего предполагает две модели исторического развития: репродуцируемой в направлении бесконечности современности и альтернативной современности циклической истории.

Будущее, возникающее в результате репродукции современности, по сути своей есть неизменное в социально-пространственных координатах и непрерывно прирастающее во временных координатах прошлое, становящееся с течением времени не старше, а наоборот, моложе. Конца социальной истории нет, исторический век рассматривается по аналогии с бесконечностью – историческим постоянством. Для марксизма такое историческое состояние ассоциировалось с переходом к коммунистической общественно-экономической формации, являющейся завершающей для изменяющегося исторического развития вехой начала «бесконечного во времени земного рая»²⁹. По мнению Д. Белла – это постиндустриальная эпоха как следствие завершения предшествующей ей эпохи индустриального общества³⁰. Для В. Суркова – это вечный путинизм, установление которого связывается с выходом на «постоянные обороты машины долгого государства В. Путина»³¹. При этом во всех перечисленных моделях есть три последовательно сменяющих друг друга этапа, которые с определенной долей условности могут быть привязаны к временным периодам прошлого – настоящего (современного) – будущего. Для К. Маркса – это архаическая, экономическая, коммунистическая формации; для Д. Белла – доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный мир; для Суркова – русский мир до В. Путина, при В. Путине и в условиях «постПутинского путинизма». При этом в последнем концептуальном формате его автор идет даже дальше апологетов научного коммунизма, оперировавших персоналистскими концепциями марксизма, ленинизма, сталинизма... но все же выделявших в качестве «конца бесконечности» не персоналистскую, а обобщенную модель коммунистического мироустройства для всего земного, а в дальнейшем вселенского, человечества.

²⁸ См.: Ромашов Р. А. Право будущего: традиция или альтернатива // История государства и права. 2019. № 5. С. 28–33.

²⁹ См.: Зибарев М. В. К проблеме периодизации общественно-экономических формаций // В мире научных открытий. 2013. № 11–9 (47). С. 126–131.

³⁰ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.

³¹ См.: Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019 / http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 21.02.2019).

Альтернативное будущее представляет собой иной по сравнению с современным путь социального развития, начинающийся с момента «окончания линейной истории», основанной на сохранении и воспроизводстве традиционной взаимосвязи предшествующего и последующего поколений.

Волновая теория Э. Тоффлера, в отличие от перечисленных концепций исторического развития, основывающихся на преемственности и взаимной обусловленности поколения отцов и поколения детей, оперирует качественно иной методологией понимания социальной истории.³²

Волна – следствие столкновения и противоборства двух антагонистических стихий, земной и водной. Жизнь зарождается в воде, однако со временем трансформируется в земное существование, тем самым порождая две формы, водную и земную, сосуществующие в таких же параллельных мирах, как бюрократическое государство и гражданское общество, правоохранительная система и организованная преступность, религия и наука.

Волна – порождение водного мира, средство преобразующего воздействия на земную поверхность. Взаимодействие волны и суши носит приливно-отливный характер. На определенном этапе волна может поглотить сушу, либо, напротив, суша, вытеснив воду, может таким образом уничтожить волну. В любом случае история как некое измеряемое временными параметрами социальное состояние в контексте волновой теории не является линейной, а представляет собой сочетание замкнутых исторических циклов (локальных континуумов), которые, будучи связанными друг с другом, вместе с тем непосредственным образом друг друга не порождают и могут сосуществовать в качестве альтернативных (параллельных) социальных миров.

Подверженность волнообразным изменениям в таком понимании свойственна не столько государственным образованиям, сколько социальным общностям (сословиям, классам, стратам, ситусам (Д. Белл) и т. п.), а также отдельным личностям, которые могут адаптироваться к условиям иных циклов (социальных сред), живущих в своем социально-историческом времени, не совпадающем с другими циклическими системами.

В качестве примеров подобного рода сочетаний можно привести сосуществование в одних и тех же временных координатах рабовладельческих, феодальных и капиталистических отношений в США и Англии в XIX в., социалистических, капиталистических государств и стран третьего мира в XX в. и т. п.

Если взять за основу рассуждений парадигму волнового развития цивилизации, то получается, что представители различных социальных систем, сосуществующих в современности, однако находящихся в дихронных социально-исторических временах, будучи способными к перемещению из одной социальной системы в другую, демонстрируют тем самым свои возможности к путешествиям не только в пространстве, но и в социально-историческом времени, адаптация к которому происходит в относительной независимости от воли государств, а также от национальных традиций.

³² См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 261 с.

Глава 3

Возникновение государства

3.1. Социальное регулирование и управление в архаическом (первобытном) обществе

Развитие человечества в рамках первобытного (архаического) общества является наиболее продолжительным по времени периодом человеческой истории. Человек разумный – *homo sapiens* – появился как минимум 200 тыс. лет назад.³³ Окончание первобытного строя традиционно связывается учеными с возникновением первых государств (протогосударств), которые появились в Азии и Африке около 5 тыс. лет назад.

Информация о социальной структуре и принципах общежития в условиях первобытного общества крайне ограничена. Как правило, выводы делаются либо на основании археологических раскопок, либо по аналогии с социальными группами, вплоть до настоящего времени находящимися на стадии первобытного строя. При этом основная цель изучения особенностей социального регулирования и управления в условиях архаического общества для теоретико-правовой науки – это выявление и анализ исходных, наиболее глубинных мотивов, предопределяющих поведение человека в различных сферах социальной жизни и сыгравших впоследствии роль предпосылок формирования государства и права.

Характеризуя организацию первобытного общества, следует выделять три наиболее значимые для юридической науки социальные сферы: общественного устройства; производства и распределения материальных благ; социальной власти и управления.

С точки зрения общественного устройства первобытное общество характеризуется следующими признаками:

- первобытные общины представляли собой локальные (замкнутые) группы, численность которых, как правило, составляла 30– 50 взрослых особей;
- основным связующим элементом, объединяющим людей, было кровное родство (отсюда и название первобытной организации – родовая община);
- человек в первобытном состоянии не представляет своего существования вне рода, в этот период отсутствует само понимание индивидуальной значимости (ценности) человека как самостоятельного субъекта общественных отношений. Единство человеческой организации в этот период предопределялось одной целью – выживанием в борьбе с природой. Этой глобальной цели были посвящены практически все усилия членов сообщества. Естественно, что в подобной обстановке у людей не могла возникнуть даже мысль об индивидуальном правовом статусе;
- половые отношения носят полигамный (множественный) характер. Родство определяется по материнской линии, отсюда и название строя – матриархат. Семьи в современном понимании в этот период не существует, дети принадлежат всему роду.

³³ Появление *homo sapiens* неразрывно связано с переходом от стадно-зоологических форм организации к социальным, общинным формам. Вместе с тем справедливо заметил в этой связи Ю. М. Бородай: «Глубочайшая пропасть отделяет самые сложные формы зоологического стада от примитивнейших из всех известных типов архаической общины. Пропась эта заключается в том непреложном факте, что там, где начинается человеческий род, кончается безраздельное господство так называемых естественных факторов. Любая стадная организация животных легко раскрывается как результат взаимодействия естественно-биологических механизмов, напротив, социальный организм, сколь бы архаичным он ни был, не поддается никакому пониманию с точки зрения естествознания» (см.: Бородай Ю. М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М., 1995. С. 126).

С точки зрения производства и распределения материальных благ первобытное общество характеризуется следующими признаками:

- «первобытная экономика» носит присваивающий характер (жизнеобеспечение общества осуществляется за счет собирательства, охоты и рыболовства);
- распределение материальных благ носит уравнилельный характер (отсюда и название данного периода – «первобытный коммунизм»);
- частной собственности в современном понимании не существует. Предметы труда, быта, оружие принадлежат общинникам на правах владения и пользования, однако они не могут распоряжаться ими в эгоистических целях. Отношение человека к природе и к продуктам своего труда как к собственным было опосредовано его принадлежностью к какой-либо общине (коллективу).³⁴ Иными словами, работник являлся собственником только как член общины.

С точки зрения социальной власти и управления первобытное общество характеризуется следующими признаками:

- полнота социальной власти принадлежит обществу в целом. Здесь следует отметить, что власть – это одна из основных функций социальной организации общества, авторитетная сила, обладающая реальной возможностью управлять действиями людей, согласовывая противоречивые индивидуальные или групповые интересы, подчинять их единой воле с помощью убеждения или принуждения.³⁵ В первобытном обществе жизненно важные для рода управленческие решения принимаются на общем собрании путем голосования;
- оперативное руководство общественной деятельностью осуществляет выборный глава рода, власть которого опирается исключительно на личный авторитет («лучшего среди равных») и не несет каких-либо привилегий (приоритет на собрании, «лучший кусок» при разделе добычи и т. п.). Следовательно, в первобытном обществе отсутствует «борьба за власть» в современном понимании этого явления;
- социальное управление осуществляется при помощи неписаных правил поведения, передаваемых из поколения в поколение при помощи устных мифов. Основной формой выражения этих правил поведения являются запреты-табу, особенность которых заключается в отсутствии какого бы то ни было логического обоснования («нельзя, потому что нельзя»);
- в основу правил поведения были положены неразличаемые моральные, религиозные, традиционные установки, поэтому в ряде случаев эти правила называются мононормами;
- основным принципом социального регулирования является принцип талиона – «равным за равное (око за око, зуб за зуб)». Но при этом становятся обязательны два безусловных постулата «публичного» характера – два древнейших табу, призванных подавить внутри общины зоологические половые побуждения и агрессивность. Эти два императива гласят: 1) не убивай своих родных; 2) не вступай в половую связь со своей матерью и ее детьми – сестрами;³⁶
- нарушение табу влекло за собой изгнание виновного из рода (остракизм), что, по сути, означало смертный приговор.

Постепенно человеческая организация усложнялась, что, с одной стороны, предполагало снижение эффективности существовавших механизмов социального регулирования и управления, а с другой стороны, обуславливало возможность формирования качественно новых систем, способных обеспечить сохранение и развитие социума в условиях изменившихся жизненных реалий. Иными словами, в обществе постепенно складываются объективные предпосылки возникновения государства и права.

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 506–507.

³⁵ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980. С. 53.

³⁶ Бородай Ю. М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). С. 128–129.

3.2. Предпосылки происхождения государства

Процесс возникновения государства выражает переход человеческого общества от первобытной стадии (естественного состояния) к цивилизации, т. е. обретение социумом качеств саморегулирующейся системы, развивающейся на своей собственной основе. Для того чтобы государство получило свое практическое воплощение в качестве особой формы социально-политической организации общества, были необходимы определенные условия (предпосылки). К таким предпосылкам относятся: три крупных разделения труда; возникновение института частной собственности; изменение социальной структуры общества; выделение из общества аппарата публичной власти; закрепление сообщества за определенной территорией. Рассмотрим выделенные предпосылки более подробно.

Три крупных разделения труда

Первоначально люди поддерживали свое существование исключительно с помощью примитивных форм обеспечения жизнедеятельности (охоты, рыболовства, собирательства). При этом проблема выживания напрямую связывалась с благоприятными (либо, напротив, неблагоприятными) природными факторами. Естественно, что столь тесная зависимость человека от окружающей среды влияла на процесс становления и развития общества. Поэтому выделение в качестве важнейших форм жизнеобеспечения земледелия и скотоводства имело поистине революционное значение. Приручение и одомашнивание человеком диких животных, а также сознательное выращивание полезных растений означали не только победу человека в борьбе за физиологическое выживание (поскольку разрывалась прямая зависимость человека от природных и климатических условий), но и являлись причиной начавшегося расслоения общества, так как в результате единая социальная организация распадается на несколько относительно самостоятельных подгрупп: земледельцев, скотоводов, охотников и т. д. Процесс труда постепенно усложнялся, требовал больших физических и умственных нагрузок, а это, в свою очередь, вело к ускорению социального развития. Значение данного этапа человеческой эволюции заключается в том, что люди начинают производить общественно-полезного продукта больше, чем нужно непосредственно для поддержания жизнедеятельности. Возникает так называемый избыточный продукт, правом на распоряжение которым обладают его производители. Следовательно, появляются предпосылки для возникновения права собственности, которое понимается как право владеть, пользоваться и распоряжаться определенным имуществом и является одним из важнейших субъективных прав.

Следующим крупным разделением труда принято считать появление ремесел и разделение человеческого общества на тех, кто производит орудия труда, и тех, кто этими орудиями пользуется. Переход от универсальной системы жизнеобеспечения к специализированной интересен прежде всего тем, что люди начинают производить такие вещи, которые непосредственно для самих производителей жизненно важного значения не имеют, а изготавливаются с единственной целью – обменять на другие предметы труда, необходимые в хозяйстве. При этом процесс обмена превращается из эпизодического в систематический. В свою очередь, потребность людей обмениваться продуктами своего труда, с одной стороны, означала необходимость создания оценочного эквивалента, позволяющего осуществлять данную операцию в определенном пропорциональном соотношении, а с другой – привела к выделению из социальной среды особой группы людей, которые своим основным занятием избрали посредническую деятельность между производителями орудий труда и их пользователями. Процесс товарного обмена представлял целую отрасль общественно-полезной деятельности, это было третье крупное разделение труда.

Возникновение частной собственности

Постепенно на смену социальным отношениям, обусловленным кровным родством, приходят договорные отношения, характеризующиеся принятием участвующими в этих отношениях лицами определенных взаимных обязательств друг перед другом (прежде всего в сфере производства и распределения материальных благ). Основным предметом таких отношений являлась собственность, возникающая как результат человеческого труда по преобразованию природы.

Именно приложение труда к тем или иным предметам природы (земле с ее недрами, предметам животного и растительного мира и т. п.) создает разницу между общим и частным. Труд видоизменяет предметы природы, придает им качественно новые свойства. Но поскольку труд является несомненной собственностью трудящегося, то и сами видоизмененные предметы становятся частной собственностью того, кто затратил труд. Специализация общественно-полезного труда обуславливает усиление его эффективности и, как следствие, приводит к получению избыточного продукта, который можно накапливать и которым можно распоряжаться в соответствии с личными (корпоративными) интересами. Возникает и постепенно усиливается имущественное неравенство, а следовательно, и необходимость в специальных средствах принуждения. В этой связи следует признать в достаточной степени точным замечание Е. А. Суханова, согласно которому «право (и государство как особый аппарат принуждения к его соблюдению) возникает именно в связи с необходимостью охраны отношений собственности. Такая охрана, в сущности, составляет основное содержание правового регулирования экономических отношений, а право собственности, с данной точки зрения, становится ядром, центром всей правовой системы».³⁷

Изменение социальной структуры общества

Наиболее яркое выражение процесс дифференциации общественных отношений получил в ходе замены полигамных отношений моногамными; по сути, это означало возникновение супружеских связей (в их современном понимании). Запрет на кровосмешение близких родственников (табу на инцест) имел двоякое значение. С одной стороны, род утрачивал свое значение в качестве замкнутой самодостаточной социальной структуры, а с другой – появлялась возможность установления новых общественных связей, формирования на их основе качественно отличных от существовавших ранее социальных форм: племен, союзов племен и т. д.³⁸

Выделение из общества аппарата публичной власти

Социальное расслоение означало усиление социального неравенства. В первую очередь это проявилось в порядке формирования управленческих структур и осуществления последними властных полномочий. Если в начальный период развития власть в равном соотношении принадлежала всем трудоспособным членам общины, а вождь осуществлял функции, связанные с оперативным руководством, не претендуя на какие-либо льготы, то впоследствии верховная власть утрачивает непосредственный характер и практически полностью переходит к представителям властных структур (вождям, старейшинам, шаманам и т. д.), которые перестают заниматься не связанным с управленческими функциями общественно-полезным трудом.

Именно на этом историческом этапе формируется институт вождества, т. е. «социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, ре-дистрибутивную, судебную

³⁷ Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 13.

³⁸ См.: Оль П. А., Ромашов Р. А., Тищенко А. Г., Шукишина Е. Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р. А. Ромашова и Н. С. Нижник. М.: Юрист, 2005. С. 43.

медиативную и религиозно-культовую деятельность общества». ³⁹ Таким образом, вождество предполагает переход к профессиональным формам реализации социальной власти, при этом сама власть приобретает характер профессионального делегированного полномочия. ⁴⁰

Для того чтобы поддержать свою жизнедеятельность, властители начинают изымать (экспроприировать) в виде налогов часть общественного продукта, полученного рядовыми членами сообщества. В целях подавления возможного сопротивления создается специальный механизм принуждения, который, с одной стороны, необходим для обеспечения установленного порядка сбора налогов, а с другой – для защиты власти от недовольных ее решений. Властные полномочия уже не делегируются членами общества «лучшему из равных», а передаются по наследству. Публичная власть все больше отделяется от общества. Принятие управленческих решений перестает быть полномочием каждого члена общества и становится функцией специального аппарата власти. ⁴¹

Объединение членов общества по территориальному принципу. Появление городов

Рассматривая характер связей, соединявших членов первобытного сообщества, мы отметили, что первоначально это были кровнородственные, а впоследствии семейные и производственные отношения. Однако возникновение товарообмена обусловило возникновение общих интересов между людьми, которые не были связаны ни родственными, ни семейными, ни производственными контактами. Для того чтобы осуществлять эффективное регулирование социальных процессов на данной стадии человеческого развития, необходимо было сформировать принципиально новые отношения. Такими отношениями стали отношения, возникающие между людьми, проживающими в городском поселении. Город – это не просто поселение, отгороженное стеной от внешнего мира, это иная культура, качественным образом отличающаяся от культуры «негорода».

Возникновение городов обусловило несколько революционных изменений в порядке организации общественной жизнедеятельности:

– город – это прежде всего сообщество горожан. В этом сообществе отсутствует специфическое для сельского общества личное знакомство и различная степень родства соседей друг с другом. Вместе с тем сам факт принадлежности к ГОРОДУ автоматически приводил к возникновению у человека некоторых «прав» и обязанностей, определяющих степень возможного и должного поведения по отношению как к другим членам сообщества, так и к городу в целом;

³⁹ Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11.

⁴⁰ Как отмечал в этой связи известный французский этнолог и социолог К. Леви-Стросс, власть вождя базируется на специфической процедуре делегирования доверия. При выполнении своих многочисленных задач вождь опирается прежде всего на согласие, которое является источником власти и закрепляет его правомочность. Эта властная правомочность должна подтверждаться инициативностью, щедростью, сообразительностью субъекта и ограничивается в повседневной жизни посредством взаимных обязательств вождя и его соплеменников. Вторым важнейшим атрибутом власти является взаимность, определяемая тем, что между ее обладателем и соответствующей социальной общностью возникает постоянно поддерживаемое равновесие обязательств и привилегий, услуг и обязанностей. В этой связи исследователь приводит пример одного из изучаемых им индейских племен, где существует «право» полигамии вождя в условиях общепринятой моногамии; социальная группа, таким образом, обменивает индивидуальную «безопасность» моногамного существования каждого из ее членов на коллективную безопасность, обеспечения которой она ожидает от вождя. (Подробно см.: Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов, 1999. С. 401–409.)

⁴¹ На наш взгляд, с некоторыми оговорками уместно признать весьма удачным описание генезиса публичной политической власти, данное В. И. Лениным: «В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низших ступенях развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, – в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами. ... но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время <...> вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, – то, что составляет сущность государства». (См.: Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 437.)

– с экономической точки зрения город может быть определен как поселение, жители которого занимаются в основном не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей. Таким образом, для города изначально характерны специфические (отличные от сельскохозяйственного труда) формы трудовой занятости населения. При этом сам город непосредственным образом связан с рынком. Каждый город есть «рыночное поселение», т. е. социально-территориальное образование, имеющее в качестве экономического центра поселения местный рынок, на котором вследствие существующей трудовой специализации свои потребности в различных предметах торговли удовлетворяет как собственно городское, так и окрестное негородское население;

– в культурном контексте город становится центром сосредоточения культуры в различных ее проявлениях. Храмы, театры, библиотеки, больницы, университеты возникают в городах и немыслимы вне городской среды. Именно появление городов приводит к разделению культуры (города) и бескультирия (в качестве бескультурных в одинаковой степени выступают деревенские (окрестные) жители и чужеземцы (варвары), подводит основу для иной, нежели в первобытном обществе, системы самоидентификации);

– в политико-административном смысле город выступает как обособленная организация публичной (городской) власти, обладающая легальным правом самостоятельного локального управления. При этом в зависимости от того, какой тип властеотношений рассматривается в качестве объекта анализа, можно говорить о городах-патримониях, в которых управление носит централизованный характер и замыкается на фигуру правителя (государя), а также о «вольных» городах – демократиях, в основу организации и функционирования которых положен принцип самоуправления городской общины.

Именно появление городов и городской культуры следует рассматривать в качестве «точки отсчета» государственной истории человечества.

3.3. Теории происхождения государства

В науке существовало и существует множество различных теорий, объясняющих процесс возникновения государства. Это вполне естественно и понятно, ибо каждая из позиций отражает взгляды и суждения представителей различных социальных групп, творивших в разное время, в неодинаковых социально-политических условиях. За время существования науки теории права и государства были высказаны и обоснованы с той или иной степенью достоверности десятки самых разных гипотез. Вместе с тем споры о природе права и государства продолжают и по сей день. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся в научной литературе теории происхождения права и государства.

Теологическая теория

На протяжении всей истории человечества особая роль в жизни общества принадлежала религии. Обращение к христианским представлениям о происхождении государства, позволяет выделить следующие основополагающие положения: любой христианин должен быть прежде всего глубоко и искренне верующим человеком, понимающим, что земная власть переходяща. Истинная праведность не может существовать в этом «грешном» мире и для сдерживания человеческих пороков необходимо государство.⁴² Рассматривая процесс создания государства как акт божественной воли, ученые-теологи полагали, что процесс возникновения и развития государства и права аналогичен процессу сотворения Богом мира, а государь есть его наместник на земле, как, по учению римской церкви, Папа – наместник Христа на земле в делах не только духовных, но и светских. Уже философы античной древности (Платон, Аристотель) считали законы откровением и даром богов, а по кодексу Юстиниана государь является посланником Божиим на земле.

В средневековой Европе в трудах ученых-теологов (в частности, в работах классиков католицизма – Августина Аврелия и Фомы Аквинского) необходимость государства выводилась, с одной стороны, из учения Аристотеля о политической сущности человека, а с другой – из определенного свыше предназначения государства как политического института. Поскольку человек уже изначально предрасположен к власти или к повиновению, постольку государственный порядок рассматривается как раз и навсегда устоявшийся, неизменный, подчиненный исключительно Божественному провидению.

Так, в теологических воззрениях святого Августина противопоставляются друг другу абсолютная вечность Бога и реальная изменчивость материального и человеческого мира, «Град Божий» и «Град земной»⁴³. Стремясь преодолеть противопоставление церковной и светской властей, другой мыслитель Средневековья, Фома Аквинский, утверждал божественное происхождение всех видов власти. Основание морального (естественного) закона, по Аквинскому, лежит не в разуме законодателя, а в природе вещей, разумной в силу разумности творения, т. е. в разуме Бога.⁴⁴

Теория общественного договора

Одной из наиболее популярных политико-правовых теорий возникновения государства является договорная (естественно-правовая) теория, согласно которой государство на добро-

⁴² См.: Голубева Л. А., Черноков А. Э. Сравнительное государственное устройство: Учебник для высших учебных заведений. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2009. С. 29.

⁴³ См.: Сычева С. Г. Аврелий Августин и Вячеслав Иванов: идея «двух градов» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 63–65.

⁴⁴ См.: Батиев Л. В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Философия права. 2012. № 1 (50). С. 116–121; Батиев Л. В. Закон и благодать в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Философия права. 2013. № 2 (57). С. 31–35.

вольной основе создали члены общества, подписавшие специальный юридический акт – общественный договор.

Свое выражение данная теория получила в трудах европейских ученых XVII–XVIII вв. (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А. Радищев и т. д.). Столь пристальный интерес к названной теории объясняется тем, что многие обоснованные в ней положения (неотчуждаемость личных прав и свобод, делегирование властных полномочий, юридическая ответственность государственной власти и т. д.) были использованы в качестве структурных элементов политической программы третьего сословия (буржуазии) в ходе борьбы с королевским абсолютизмом.

Поскольку люди являются по природе свободными, равными и независимыми, полагали приверженцы данного теоретического направления, то никто не может быть подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Поэтому единственно возможным средством для выхода из естественного состояния и подчинения людей политической власти является «соглашение с другими людьми об объединении в сообщество, для того чтобы удобно, безмятежно и мирно жить». В основу первоначального договора, по мнению основателей договорной теории, должно было быть положено условие о подчинении всех его участников большинству. Действительно, если для вступления в государство требуется согласие каждого отдельного лица, то после завершения государственного строительства оно действует согласно воле большинства. Для того чтобы государство способно было выступать как единое целое и продолжать оставаться единым сообществом, необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда влечет большая сила, которую составляет согласие большинства. Поэтому каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, берет на себя обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным. Так, например, исходным положением концепции Г. Гроция является мифологема о естественном состоянии, в котором изначально находятся люди и которое характеризуется как «состояние войны или мира».⁴⁵ Но в конечном счете «многие отцы семейств», движимые свойственной всем людям от природы стремлением к общению, а также «убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия», в целях соблюдения права и общей пользы заключают «союз свободных людей», именуемый государством.⁴⁶

Свое дальнейшее развитие и наибольшую концептуальную завершенность идеи Г. Гроция получили в теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо. Так же, как и его предшественник, Ж.-Ж. Руссо исходит из посылки о некоем естественном состоянии, но в отличие от Г. Гроция это естественное состояние французский мыслитель характеризует как золотой век, где отсутствовала частная собственность и существовало всеобщее социальное равенство. В конце концов, люди, по Ж.-Ж. Руссо, «достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии».⁴⁷ В целях самосохранения человеческий род вынужден заключить общественный договор, посредством которого образуется «сумма сил», способная преодолеть опасное противодействие. Суть этого договора, по мнению философа, заключается в том, что «каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого».⁴⁸

Таким образом, при помощи общественного соглашения возникает политическое сообщество. Но «первоначальный акт, посредством которого этот организм образуется и становится

⁴⁵ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественные право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1957. С. 83.

⁴⁶ Там же. С. 74.

⁴⁷ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2000. С. 207.

⁴⁸ Там же. С. 208.

единым, не определяет еще ничего из того, что он должен делать, чтобы себя сохранить». ⁴⁹ Для самосохранения и поддержания порядка политическому организму необходимы соглашения и человеческие законы. «Если рассматривать вещи с человеческой точки зрения, – пишет Ж.-Ж. Руссо, – то при отсутствии естественной санкции законы справедливости бессильны между людьми; они приносят благо лишь бесчестному и несчастье – праведному, если этот последний соблюдает их в отношениях со всеми, а никто не соблюдает их в своих отношениях с ним. Необходимы, следовательно, соглашения и законы, чтобы объединить права и обязанности и вернуть справедливость ее предмету. В естественном состоянии, где все общее, я ничем не обязан тем, кому я ничего не обещал; я признаю чужим лишь то, что мне не нужно. Совсем не так в гражданском состоянии, где все права определены Законом». ⁵⁰

Классовая теория

Эта теория иногда называется материалистической, так как в ней содержатся попытки объяснить возникновение государства причинами материалистического (преимущественно экономического) характера. По мнению авторов и основных идеологов классовой теории (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина), государство появляется как объективный результат социального развития. Общественное разделение труда, появление прибавочного продукта, возникновение частной собственности и, следовательно, имущественного неравенства, расслоение общества на классы с непримиримыми (антагонистическими) интересами.

Все эти обстоятельства явились причинами возникновения государства, сущностью которого стало принуждение одного класса другим. «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса». ⁵¹ В отличие от договорного государства, возникающего по воле всех членов общества и необходимого для защиты прав и свобод большинства, классовое государство «есть орган классового господства, угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконивает и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов».

При этом государство в силу своей классовой природы носит временный характер. Возникнув в результате появления частной собственности и разделения общества на классы, государство отмирает после исчезновения частной собственности и слияния классов. Бесклассовое общество с общенародной собственностью является, по мнению авторов классовой теории, идеальным вариантом модели социального развития. В этой связи весьма показательно знаменитое высказывание Ф. Энгельса: «Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором». ⁵²

Теория насилия

⁴⁹ Там же. С. 226–227.

⁵⁰ Там же. С. 226.

⁵¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 171.

⁵² Там же. С. 173.

Исходным моментом рассуждений авторов данной теории (Л. Гумплович, Е. Дюринг, А. Менгер и др.) является утверждение о насильственном характере возникновения государства.⁵³ По их мнению, государственно-правовой порядок образовался путем насилия и укрепился почти исключительно путем военных успехов. Теория насилия предполагает возникновение государства как в результате внешнего воздействия, когда более воинственное племя устанавливает господство над народами, не склонными к агрессивным формам жизнедеятельности. В частности, утверждается, что народы, проживающие на морском (океанском) побережье, а также в горной местности, объективно предрасположены к насилию. Для жителей прибрежной полосы это связано с необходимостью, с одной стороны, постоянно быть готовыми к отражению агрессии, идущей с моря, а с другой – осуществлять экспансию, связанную с расширением «сферы влияния» вглубь материка. Для горных жителей склонность к использованию военных средств вызвана как низким уровнем развития сельскохозяйственной культуры, так и локальным размещением, и низкой численностью населенных пунктов, нуждающихся в постоянном притоке «свежей крови» и «новых рабочих рук». Наряду с внешним насилием осуществляется внутриплеменное разделение общества на сильных и слабых. Сильным людям самой их природой предписано стремиться к власти, а слабым столь же свойственно неосознанное желание подчинения.⁵⁴

В отличие от классовой теории, в рамках которой экономика рассматривается в качестве основы, базиса надстроечных отношений (политических, правовых, идеологических), в контексте теории насилия обосновывается тезис о первичности политики, а именно, о первичности политического насилия. В частности, Е. Дюринг указывал, что «политический строй является решающей причиной хозяйственного положения» и, соответственно, «первичное все-таки следует искать в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной политической силе».⁵⁵ При этом насилие рассматривается Е. Дюрингом не как некое ограниченное, локальное, а как глобальное, к тому же «естественное» явление, которое порождает единство противостоящих друг другу «элементов»: государств-победителей и побежденных, управляющих и управляемых, господ и рабов.

⁵³ См.: Серов Е. А. Характеристика государства и права с точки зрения права на легитимное насилие (М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, К. Шмитт, Л. Гумплович, Е. Дюринг, К. Каутский, Г. Еллинек) // Аграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). С. 29–37.

⁵⁴ См.: Цокуренико С. С. Теоретические подходы к определению насилия // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 1. С. 119–123.

⁵⁵ Цит. по: Мамут Л. С. Развитие марксистского учения о государстве и праве в поздних трудах Ф. Энгельса // История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1983. С. 475.

Глава 4

Государство – внешний образ и содержательная сущность

4.1. Трансформация образа государства в процессе политогенеза

Государство – явление, воспринимаемое неоднозначно и в зависимости от обстоятельств предстающее перед простым обывателем и умудренным исследователем в различных образах⁵⁶.

Образ государства – явление субъективное, формирующееся под воздействием различных исторических факторов. На разных этапах политогенеза государство предстает перед современниками в меняющихся ипостасях и качественно отличных образах.

Государства-деспотии воспринимаются в образе храма, служение которому определяет смысл жизнедеятельности всех жителей, являющихся рабами храма, независимо от социального положения и политико-правового статуса.⁵⁷

Античный полис (город/гражданская община) ассоциируется гражданами с образом корабля, не привязанного к раз и навсегда избранной земле и являющегося для его команды одновременно коллективным домом, крепостью, оружием защиты и нападения.⁵⁸ По мнению Г. Еллинека, в условиях античности «вещный элемент далеко отступает перед личным. Гражданская община тождественна с государством. Публично-правовое положение индивида никогда не обуславливается поэтому принадлежностью к стране (политико-территориальному образованию. – *Р. Р.*), а всегда только принадлежностью к членам гражданской общины или зависимостью от нее».⁵⁹ Римский период с его имперской моделью мироустройства трансформирует представление о государстве-полисе в государство-цивилизацию, где *civis romanus* уже не автаркичный греческий город, население которого не воспринимает в качестве «соотечественников» иногородних граждан, а *res publica* – общее дело, соединяющее жителей различных городов и провинций «Великого Рима» в общую «большую Родину» – *Patria*, единую для всех римских граждан, независимо от места их рождения и проживания.⁶⁰

Средневековый город-государство – это и крепость (бург), и экономическое пространство (цеховые организации, рыночная площадь), и сосредоточие городской культурной среды (храм, магистрат, университет), противопоставляемой аграрной (сельскохозяйственной) культуре.⁶¹

На этапе главенства феодальных отношений формируется образ государства, связывающий его с землей, выступающей и как среда обитания, и как основное средство производства

⁵⁶ В данном случае можно согласиться с М. Н. Марченко, полагающим, что «неоднозначность восприятия государства... обусловлена прежде всего самим временем, в рамках которого оно возникает и развивается, а следовательно, уровнем развития общества, общественного сознания и мышления». *Марченко М. Н.* Проблемы теории государства и права. Учебник. М., 2001. С. 124.

⁵⁷ См.: *Лопухова И. В.* Восточная деспотия как исторический тип государства // Журнал правовых и экономических исследований. 2011. № 1. С. 110–114.

⁵⁸ См.: *Туманс Х.* К идее государства в архаической Греции // Вестник древней истории. 2006. № 3 (258). С. 77–105.

⁵⁹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 149.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: *Ромашов Р. А.* Феномен города: проблема определения понятий // Город как явление социально-культурной и экономико-правовой реальности: Международная научно-практическая конференция, 28–29 ноября 2008 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. С. 12–19.

жизненных благ, и как основная ценность, стремление к завладению которой обуславливает многочисленные оккупационные войны, главной целью которых являются территориальные захваты. Вполне логично, что в средневековой терминологии в целях обозначения государства используется слово *земля, terre, terra*. «Перемещая центр тяжести государства в его территориальный элемент, оно находится в соответствии с историческим фактом значительного преобладания в ту эпоху негородских государств и с тем значением, которое приобрела земля как основа политической силы».⁶²

Эпоха индустриализации обуславливает вытеснение образа государства-домена механистическим представлением о государстве как о state – обезличенном порядке социальной организации и публичной власти, подчиняющемся в своей организации и функционировании закрепленным в законодательных актах правовым технологиям, действие которых аналогично технологиям, управляющим производственными процессами. В таком понимании образом государства становится конвейер, в котором все члены государственной организации занимают предназначенные для них места, ячейки и в котором деятельность каждого подчинена определенной конечной цели – производству общегосударственного продукта, ценному как для государства в целом, так и для каждого участника производственного процесса.⁶³

Современное государство, как правило, связывается с тремя смысловыми образами – территорией, населением, аппаратом государственной власти.

Государство как локальное территориальное образование ассоциируется с местом на политической карте мира, выделенном государственной границей. Наличие у государства собственной территории во все времена рассматривалось в качестве важнейшего условия обеспечения суверенной государственности.

Государство как политический союз граждан (подданных) – нация выступает в качестве особой формы человеческого объединения, в рамках которой связь «государство-индивид» не зависит от фактического местонахождения последнего.⁶⁴ При этом в зависимости от формы правления государственно организованный народ рассматривается либо в качестве объекта государственного владения (монархия), либо в качестве социальной основы государственной организации, источника государственной власти и коллективного субъекта государственного суверенитета (республика).

Государство – аппарат публичной политической власти, объединяющий специализированные управляющие структуры (органы государственной власти), а также обеспечивающих деятельность этих структур должностных лиц – чиновников, принимающих от имени государства властно-распорядительные решения, обеспечивающих реализацию этих решений теми, к кому они адресованы, а также определяющих и применяющих меры юридической ответственности по отношению к нарушителям общезначимых и общеобязательных правил поведения.

Перечисленные образы государства объединяются в единую логическую умозрительную конструкцию посредством понятия «государственный суверенитет».

Применительно к государственной территории суверенитет означает территориальную неприкосновенность государства, недопустимость оккупации и аннексии.

В отношении государства-нации суверенитет носит двоякое значение. В условиях монархии носителем суверенитета является сам суверен – государь. Народ поддан государю и фактически является его собственностью. Присягая на верность «царю и отечеству», подданные тем самым объединяются вокруг единоличного главы государства, который в собственной деятельности отвечает исключительно перед собственной совестью и Богом. В республике народ-

⁶² Еллинек Г. Указ. соч. С. 151.

⁶³ См.: Киселева О. А. Роль и характер государства в эпоху становления индустриального общества // Источник. 2002. № 4. С. 101–110.

⁶⁴ См.: Кульшанова А. А. Дефиниции «этнос» и «нация» – история, сущность, особенности // Наука, новые технологии и инновации. 2015. № 3. С. 159–161.

нация выступает в качестве коллективного носителя народного суверенитета, а представители народа, наделенные делегированными властными полномочиями, ответственны в своей деятельности перед народом и в случае злоупотребления этими полномочиями могут быть от власти отстранены.

Наконец, в отношении самой государственной власти суверенитет означает, во-первых, ее верховенство по отношению ко всем другим видам и формам социальной власти внутри самого государства, а также окончательность принимаемых на государственном уровне решений. Во-вторых, независимость государственной власти на внешнеполитической арене и ее право на самостоятельное определение основных вопросов, связанных с направленностью и содержанием как внутренней, так и международной политики государства.

4.2. Организационная концепция понимания государства

В рамках *организационной концепции* государство представляет собой форму социальной организации. По мнению В. Е. Чиркина, отражающего достаточно традиционную для социально-политической и юридической науки точку зрения, государство – это особая, универсальная для данного общества организация, обладающая уникальной властью (публичной, государственной властью) и специализированным аппаратом управления обществом. Будучи неотъемлемой частью общества уже на протяжении, видимо, многих тысячелетий, государство выполняет всеобъемлющие регулятивные (а именно управленческие) функции по отношению к нему.

Представляется целесообразным рассмотрение организационной концепции понимания государства в широком и узком смыслах.

В *широком смысле* государство есть все политически организованное сообщество. При этом в качестве основных структурных элементов государства выступают социальные организации, осуществляющие управление (органы государственной власти); организации, обеспечивающие управленческий процесс (материальные придатки государства: силовые структуры: полиция, армия, органы государственной безопасности; государственные учреждения, осуществляющие деятельность в сфере науки, образования, медицины, социального обеспечения и т. п.); организации, являющиеся объектом управленческого воздействия (семейные и профессиональные союзы, корпорации, осуществляющие хозяйственную деятельность и т. п.).

В *узком смысле* государство отождествляется с аппаратом государственной власти (бюрократией) и силовыми структурами, при помощи которых осуществляется государственное принуждение. Соответственно, если брать за основу узкий подход, то получается, что на территории страны существуют и определенным образом взаимодействуют государство как аппарат (инструмент) публичной политической власти и народ как объект властного воздействия. При этом формирование структур государственной власти осуществляется по различным схемам: непосредственного и опосредованного представительства; назначения; представления кандидатуры для последующего коллективного утверждения и т. д.

Понимание государства, осуществляемое в контексте организационной концепции, базируется на двух политико-правовых фикциях:

- утверждению в качестве цели создания и функционирования государства построения «общего блага»;
- восприятию государства в качестве субъекта действия.

Прежде всего попытаемся разобраться с «государством общего блага».

Традиционно считается, что целью государства является обеспечение жизнедеятельности государственно организованного и управляемого сообщества. При этом сам факт жизнедеятельности объединенных в государство людей и есть то самое общее благо, поскольку самопроизвольное либо искусственное уничтожение социума как целого неизбежно повлечет за собой ликвидацию его отдельных составляющих. Подобный системоцентричный подход к пониманию «общего блага» был присущ ранним государствам, прежде всего античным полисам, в которых благо полиса и благо гражданина по сути своей являлись тождественными категориями.

Появление и укрепление христианской традиции, основанной на единобожии и триединстве божественного образа (Бог – отец, сын, дух) по времени совпало с переходом от архаической рудиментарной (родовой, вождеской) демократии к деспотии. При этом логическое сочетание получили теологическая, патриархальная и патримониальная концепции государства. С точки зрения теологической концепции государь получает свою власть от Бога и по сути своей является его земным воплощением. Патриархальная концепция предполагает рас-

смотрение государя в качестве мудрого и строгого отца «семьи народов», управляющего ею по собственному разумению и самостоятельно принимающего решения о том, что его «неразумным детям» полезно, а что вредно. Наконец, патримониальная концепция означает, что само государство (земля с ее ресурсами и народ, на этой земле живущий) является владением государя. Следовательно, государь и есть государство. «В эпоху, когда государство и форма правления совершенно не различались, понятия “государев” и “государственный” неизбежно должны были покрывать друг друга. Государство и государственный интерес мыслились не иначе как конкретно – в форме живой личности государя и государева дела». ⁶⁵ В Западной Европе данный тезис получил свое образное выражение в концепции «политического тела короля», предложенной английскими юристами тюдоровской эпохи. В соответствии с данной концепцией король имеет два тела, одно природное, подверженное болезням и в конечном счете смерти, а другое политическое, содержащее королевское положение и достоинство. ⁶⁶ Политическое тело – это тело, которое нельзя видеть и до которого нельзя дотронуться, оно состоит из политики и правления и создано для руководства народом и управления общим благом. В свою очередь, для того чтобы преодолеть противоречие между смертностью природного и бессмертностью политического тел, была использована метаморфоза возрождения птицы Феникс – с каждой смертью естественного тела очередного короля в новом короле возрождалось политическое тело государства. «Король умер, да здравствует король». Таким образом, физическая смерть государя (либо иной способ его отстранения от должности) не влияет на жизнь политического тела – королевства (государства).

В отечественной политико-правовой традиции вплоть до конца XVII в. господствовала точка зрения, в соответствии с которой характеризующая государство триада «государь – государственное управление – подданные» рассматривалась в контексте патримониальной традиции. В частности, царь Алексей Михайлович относился к стране и народу как к собственному владению, представляющему «единого государя государство». ⁶⁷

Однако персонификация государства и его отождествление с государем не могло не повлечь за собой расхождение в понимании общего блага. Ведь в практической жизни «общее благо», отождествляемое с благом государя, владеющего своим государством, и «благо каждого» зачастую выступали как противопоставляемые. Для большей части населения государь выступал в качестве фигуры такой же мистической и абстрактной, как и Бог. Именно с всемогуществом «царя-батюшки» связывали русские крестьяне свои чаяния относительно справедливого жизненного устройства и надежды на избавление от невыносимых «тягот земного жития». Наоборот, «государевы люди» (бюрократический аппарат) рассматривались как частные лица, отделенные от государя (а значит, и от государства) и злоупотребляющие доверием царственной особы. В восприятии простых людей не существовало понятного каждому образа государства ни в плане единой социальной организации, ни в плане целостного аппарата публичной политической власти. Государственные чиновники воспринимались в качестве государевых холопов (слуг), практически повсеместно извращающих справедливые указы государя.

Более того, крестьяне не имели почти никакого представления об общем благе государства как социально-политического целого и, соответственно, не воспринимали данную идею с точки зрения ее субъективной ценности. Примеры масштабных крестьянских восстаний (под предводительством Болотникова, Разина, Пугачева) свидетельствуют о том, что сама идея изменения несправедливого порядка была неразрывным образом связана с идеей

⁶⁵ Заозерский А. Царская вотчина в России XVII века. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 43. Цит. по: Понятие государства в четырех языках. Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. С. 176.

⁶⁶ См.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 76.

⁶⁷ См.: Понимание государства в четырех языках. С. 174.

замены «неправильного» царя (царя – самозванца) «правильным» (законным наследником престола). При этом для большинства восставших абсолютно нежизненными были стратегические замыслы руководителей, связанные с изменением государственного устройства. Захват поместья, в котором повстанец ранее проживал, и расправа с помещиком воспринимались как достижение справедливости и, следовательно, достижение поставленной цели.

Что касается современного состояния мифа «государства – общего блага», то следует констатировать качественное изменение его сущности. Если ранее в качестве критерия отнесения той или иной ценности к числу «общезначимых» определялось благо социального целого либо благо государя, отождествляемого с подвластным государством, то в современных представлениях доминирующими выступают частные блага – права и свободы человека и гражданина. При этом общее благо выступает в качестве категории, производной от частных ценностей. Таким образом, качественно видоизменяется концепция самого государства, в котором права индивида приобретают характер абсолютной ценности, определяющей формы, методы и саму суть государственной деятельности.

Другим, не менее значимым для понимания государства в контексте организационной концепции, является миф, в котором государство рассматривается в качестве субъекта действия.

Как известно, любое действие характеризуется наличием двух составляющих: субъекта (того, кто действие производит) и объекта (на что действие направлено). В теории государства и права традиционно различаются индивидуальные и коллективные субъекты. Основным признаком субъекта является наличие у него правосубъектности потенциальной и реальной возможности своими действиями реализовать правомочия и обязательства, а также самостоятельно отвечать за негативные последствия осуществленных действий. Возникает вопрос: может ли государство рассматриваться в качестве автономного субъекта действия! На первый взгляд, ответ очевиден: конечно да. Мы в повседневной речи достаточно часто слышим и произносим фразы типа «Государство должно отвечать по взятым на себя обязательствам», «Государство гарантирует права и свободы человека и гражданина», «Государство не должно вторгаться в сферу частных интересов», «Государство определяет основные направления экономического развития» и т. п. Однако, как только мы попытаемся поставить вопрос более конкретно, окажется, что субъекта, называемого «государство», на практике не существует.

Дифференциация понятий «аппарат государственной (публичной политической) власти» – «государство» – «народ (общество)» не позволяет рассматривать их в качестве тождественных. Прежде всего это касается аппарата государственной власти и государства. Действительно, во всех случаях, когда речь идет о требованиях со стороны общества и конкретных индивидов к государству, равно как и тогда, когда речь идет об обязательствах отдельных физических и юридических лиц, мы имеем в виду конкретные организации и конкретных должностных лиц. То же самое можно сказать об ответственности государства по взятым на себя обязательствам и совершенным правонарушениям. Так, к примеру, не вызывает сомнения тот факт, что массовые репрессии, осуществляемые в Советском Союзе в 30–50-х годах минувшего века, являлись элементом государственной политики, вместе с тем признание противоправного характера данных действий не повлекло за собой ни юридической, ни материальной ответственности государства как самостоятельного субъекта. Другой пример: в начале 90-х годов прошлого столетия страну захлестнула волна финансовых махинаций, значительную часть среди которых занимали так называемые «финансовые пирамиды» типа компании «МММ», при этом реклама данных «проектов» осуществлялась абсолютно открыто, в том числе в государственных СМИ. Для простых россиян данное обстоятельство сыграло роль немаловажного фактора, обусловившего доверие к мошенникам, долгое время действовавшим в рамках официального правового поля при фактическом попустительстве государственной правоохранительной системы. После того как деятельность структур, подобных «МММ», была

признана противозаконной, государство не понесло никакой ответственности за бездействие компетентных органов, повлекшее за собой причинение значительного материального ущерба сотням тысяч российских граждан.

Таким образом, применительно к сфере внутригосударственных отношений государство не может рассматриваться в качестве субъекта действия, поскольку не могут рассматриваться в качестве тождественных конкретные государственные органы, учреждения, должностные лица и государство в целом.

На наш взгляд, логично рассматривать в качестве субъектов действия народ и аппарат публичной политической власти (государственную бюрократию).

Народ (граждане, подданные государства) выступает субъектом непосредственной демократии и в подобном статусе участвует как в формировании представительных структур государства, так и в процессе правотворческой деятельности (путем участия в референдумах). В странах современной западной демократии существует и такая форма участия народа в политической жизни, как гражданский контроль за деятельностью государственной власти. Что же касается Российской Федерации, то деятельность подобного рода, к сожалению, пока находится лишь в «зачаточном» состоянии.

Аппарат государственной власти (государственная бюрократия) в качестве субъекта осуществляет публичные властные полномочия от имени всего государственно организованного сообщества. Как уже ранее отмечалось, публичный характер действий данного субъекта, основными законными представителями которого являются единоличный глава государства (президент, монарх) либо коллективный орган (диктатура, хунта, государственный совет и т. п.), обосновывается при помощи мифа «государства – общего блага». Однако, как мы уже выяснили, понимание ценностей, на которых базируется «общее благо государства – государственного аппарата» и «общее благо государства – народа», зачастую носят не только не совпадающий, но и попросту взаимоисключающий характер.

Собственно, государство в рамках подобного подхода следует рассматривать не как субъект, а как объект воздействия как со стороны государственного аппарата, так и со стороны управляемой части сообщества.

Применительно к сфере международных отношений государство выступает в качестве коллективного субъекта, представляемого компетентными должностными лицами, прежде всего главой государства. Однако вплоть до настоящего времени не получил однозначного ответа вопрос о том, с какого момента государство может рассматриваться в качестве легального и легитимного субъекта отношений в сфере межгосударственного взаимодействия. Особое значение данный вопрос имеет для так называемых вновь образуемых государств, возникших в результате глобальных политических катаклизмов. В частности, достаточно сложно определить момент приобретения статуса субъекта действия послереволюционной Россией. С одной стороны, октябрьский переворот носил открыто противозаконный характер и, следовательно, самопровозглашенная Советская республика, не признанная до определенного периода ни одним из ведущих государств мира, не являлась субъектом международного права. Вместе с тем не могли рассматриваться в качестве таковых ни прекратившая существование в феврале 1917 г. Российская империя, ни Россия периода Временного правительства. Представляется, что статус субъекта международного права РСФСР приобрела тогда, когда новая власть обрела государственный суверенитет, т. е. доказала (путем победы, одержанной в гражданской войне и в борьбе с иностранной интервенцией) свое верховенство внутри страны, а также независимость и реальную возможность противостоять иностранной военной экспансии на международной арене. Таким образом, в международных отношениях государство будет рассматриваться в качестве субъекта только в том случае, если оно способно обеспечивать внутренний и внешний суверенитет. Последний и следует рассматривать в качестве условия правосубъектности государства в международной сфере.

4.3. Функциональная концепция понимания государства

В контексте функциональной концепции государство выступает не как субъект действия, а как система социально-политических отношений, состояние упорядоченной политико-правовой реальности. С точки зрения смыслового значения данной концепции в большей степени соответствуют западные понятия *etat*, *stato*, *staat*, *state*. Изначально возникнув для указания на состояние и положение правителей, их величие и достоинство, данные понятия постепенно начали рассматриваться в качестве самостоятельных категорий, обозначающих состояние или положение соответствующих политических образований. В частности, в широко распространенных в Западной Европе эпохи позднего Средневековья и Возрождения (XIII–XV вв.) книгах-поучениях правителям содержатся положения, в соответствии с которыми правители должны поддерживать благополучное, выгодное, почетное и процветающее *status civitatis*. Оптимальный *status civitas (respublica)* достигается в том случае, если администрация (магистрат) во всех своих делах следует диктату правосудия, в результате чего укрепляется общее благо, сохраняется мир и гарантируется обеспечение и защита как публичных, так и частных интересов членов гражданского общества.

Основываясь на данном положении, можно сделать следующие важные выводы:

- дифференциация понятий «состояние правителя» и «состояние правления» обусловили разграничение таких понятий, как «правитель» – «сфера правления». Правитель продолжает выступать в качестве субъекта действия, в то время как сфера правления начинает рассматриваться в качестве объекта управленческого воздействия и состояния отношений управляющих и управляемых;

- отделение состояния правителя от состояния правления обуславливает наличие неких объективных правил поведения, в одинаковой степени обязательных как для управляемых, так и для правителей. Совокупность данных правил, с реализацией которых и связывается обеспечение «общего блага», образует публичное право.

Развитие западноевропейской политической теории в XVI–XVII вв. привело к тому, что *etat*, *stato*, *staat*, *state* постепенно превратились из производных от статуса правителя в самостоятельные категории, не тождественные ни личности правителя, ни его подданным (в том числе подданным, осуществляющим управленческие функции и в подобном качестве выступающим в качестве протобюрократии), ни территории, определяющей пространственные параметры владения правителя. Именно в это время возникает триада «правление – государственный аппарат управления – общество». В рамках представленной конструкции верховная власть (власть, осуществляемая от имени всего сообщества представителями государственного аппарата) сосредоточена в некоей «искусственной душе», а не в правителе и подданных. Это позволяет отделить государство (*state*) как абстрактно понимаемое «седалище власти» не только от народа, но и от личности правителя. В рамках подобного понимания государство начинает рассматриваться как *сложившийся в пределах определенной территории (пространства юрисдикции) и обеспечиваемый при помощи публичных регулятивно-охранительных механизмов порядок управления обществом*.

Данный порядок носит нормативный характер и объединяет общезначимые правила поведения, принимаемые от имени всего государственно организованного сообщества относительно небольшим по числу аппаратом управленцев – государственной бюрократией.

Основанием государства-порядка является взаимное стремление властвующих и подвластных к общему благу, а это, в свою очередь, предполагает поиск и нахождение компромисса между публичными, корпоративными и частными интересами субъектов социально-политической организации. Соответственно, правовое государство – это порядок,

установленный при помощи правовых предписаний и обеспечиваемый при помощи правовых средств в рамках правовых процедур.

4.4. Понимание государства в российской юридико-лингвистической традиции

В отличие от Западной Европы, Россия не пошла по пути интегрирования слова *state* (либо производных от него⁶⁸) для обозначения системы публичной политической власти. Слово «статус» в дальнейшем было использовано для обозначения правового положения индивидуальных и коллективных субъектов, а понятием «штат» стали обозначаться административно-территориальные единицы (субъекты) в государствах с федеративной формой устройства (к примеру, Соединенные Штаты Америки).

Современный термин «государство» происходит от слова «господарство», представляющего, в свою очередь, синтез двух слов: «господарь» (хозяин, владыка) и «господа» (хозяйство, владение).⁶⁹ Таким образом, если говорить об иностранном аналоге слова «государство», то в большей степени ему соответствует не *state* (состояние, положение, порядок), а *king domain* (королевское владение). Понимание государства в русской традиции может быть с определенной долей условности названо тотемистским. В качестве священного тотема выступал сам государь, с которым у большинства подданных ассоциировалось государство. Люди, занимавшиеся тем, что сегодня называется «государственной службой», воспринимали себя и рассматривались окружающими в качестве «государевых людей (холопов)», управляющих «государевыми делами». Сам факт нахождения на государственной службе рассматривался как воплощение в конкретном чиновнике частицы персоны и статуса «Великого государя».

Смысловой анализ термина «государство» позволяет говорить о трех его основных значениях:

- государство – механизм осуществления политического господства лица, возглавляющего аппарат государственной власти – фактического государя;
- государство – территориальное образование, в пределах которого властвует государь;
- государство – аппарат государственной власти (государственной бюрократии), в своей организации и функционировании «замкнутый» на государе.

Естественно, что ни о каком законе как о сумме общезначимых (в том числе для государя и государевых людей) правил поведения при подобном понимании государства речи быть не может. Воля государя, его усмотрение и произвол – вот то, что положено в основание российской государственности.

Что касается отделения государства как порядка и состояния правления от «государьства» как владения государя, то данный процесс, как, впрочем, и большинство других глобальных реформ, имевших место в истории России, осуществлялся, по сути, в приказном порядке, по «указанию сверху». Прежде всего в официальный словарный оборот было внедрено слово «отечество» – в смысле, общая Родина, земля отцов, а отсюда общие исторические корни, культура и традиции. При этом официальная идеология усиленно внедряла в общественное сознание идею о том, что служба Отечеству объединяет и государя, и государевых людей, и народ. Таким образом, термин «отечество», по сути, означал то самое «общее благо», сплачивающее власть и подвластных. Большинство исследователей склонны полагать, что в подобном смысле впервые слово «отечество» прозвучало в речи Петра I перед Полтавской битвой: «Ведамо бо Российское воинство, что оный час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их, или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться Россия, и не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти *не за Петра, но за государство, Петру врученное, за*

⁶⁸ В русском языке понятию «*state*» наиболее соответствует слово «держава».

⁶⁹ См.: Понятие государства в четырех языках. С. 166.

*род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных не ожидает»*⁷⁰.

Сам Петр пытался своим поведением показать, что он такой же «сын отечества», как и его «безродные соотечественники». Однако невозможность соединить воедино роли простого бомбардира – Петра Михайлова, в одном строю с простыми русскими воинами сражающегося с общим врагом, и великого государя всея Руси, определяющего основные направления государственного развития и решающего судьбы тысяч людей, превращали подобные попытки в политический фарс. Особенно ярко противоречие между Петром-человеком и Петром-государем проявилось в 1721 г., когда самодержец был объявлен «отцом отечества». Получалось, что «сын отечества» одновременно выступал в качестве его «отца». В данном примере особенно наглядно проявляется логичность сочетания в понятии «государь» смысловых значений «господа (Бога)» и «господина – хозяина земли русской». Неограниченная (ни юридически, ни политически) воля самодержца – вот главная движущая сила российского государства, независимо от слов об общем отечестве и общем благе, продолжающем рассматриваться и самим монархом, и его подданными в качестве «государевой вотчины». Поэтому и отличие «государьства» от «отечества» носит сугубо формальный (а отнюдь не содержательный) характер. «Сыны отечества» звучит благозвучнее, нежели «государевы люди» (по сути холопы/рабы государя), однако, как свидетельствует опыт отечественной истории, об отечестве российские государи вспоминали, как правило, в минуты наивысшей опасности, нависшей прежде всего над их положением в качестве «владельческих господ». Победы, одержанные «сынами отечества», нередко обуславливали репрессии в отношении победителей, задачей которых являлось возвращение почувствовавших себя свободными «сынов (братьев и сестер)» в состояние «государевых холопов».⁷¹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основным отличием функционального понимания государства, сформировавшегося в контексте западноевропейской и российской традиций, является характер отношений власти и подвластных. Если для Западной Европы отделение порядка управления от фигуры главы правительства и самого правительства было продиктовано рациональностью, в основу которой был положен принцип взаимного уважения свободных людей, объединенных общей историей и культурой и понимающих необходимость достижения компромисса разноуровневых интересов, в совокупности образующих «общее благо», то для России на всех этапах ее развития ситуация в сфере формирования и функционирования «государства – порядка» может быть охарактеризована словами великого Фонвизина: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан».⁷²

⁷⁰ Прокопович Ф. История императора Петра Великого. СПб., 1773. С. 212. Цит. по: Понятие государства в четырех языках. С. 177–178.

⁷¹ Именно о таком отношении государства к своим «сынам» пишет Иосиф Бродский в своем стихотворении «На смерть Жукова»: «Спи! У истории русской страничкухватит для тех, кто в пехотном строю храбро входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою».

⁷² Цит. по: Понятие государства в четырех языках. С. 186.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.